

IOANNIS CALVINI
COMMENTARIUS
IN
EPISTOLAM AD TITUM

BRUNSVIGAE,
APUD C. A. SCHWETSCHKE ET FILIUM
(APPELHANS & PFENNINGSTORFF)
1892

ЖАН КАЛЬВИН
ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ
К ТИТУ

Перевод с латинского И.В. Мамсурова
Редактор: В.М. Лоцманов

2011 г.

Предисловие

Павел, заложив на Крите только основание церкви и спеша в другое место (поскольку был не пастырем одного острова, а апостолом язычников), поручил дальнейшую работу Титу как Евангелисту. Из этого послания явствует, что сразу же после ухода Павла сатана постарался не только извратить управление церковью, но и исказить само учение апостола. Кое-какие люди из тщеславия желали проникнуть в сословие пастырей, и, поскольку Тит не потакал их дурному устремлению, о нем стали слагать нелестные отзывы. С другой стороны, некоторые иудеи под предлогом ревности к Моисееву закону стали распространять в народе всякий вздор, и их жадно и с большим благоволением слушали. Поэтому Павел написал послание с целью вооружить Тита своим апостольским авторитетом, дабы тот смог вынести столь великое бремя. Ибо некоторые люди, без всякого сомнения, спокойно пренебрегали Титом, как каким-то заурядным пастырем. Вполне возможно, что жаловались и на то, будто Тит присваивает себе более, чем должно, принимая только одобренных им самим пастырей.

Отсюда можно сделать вывод, что Павел писал не столько лично к Титу, сколько ко всем членам критской церкви. Ибо невероятно, чтобы апостол упрекал Тита за то, что тот с чрезмерной легкостью дает епископство недостойным людям, или предписывал ему, как невежде и новичку, какого рода учение Тит должен преподавать. Однако, поскольку Титу не воздавали должной чести, Павел говорит, что Тит выступает от его лица как в деле поставления служителей, так и в деле управления церковью. И коль скоро многие глупцы требовали иной формы учения, нежели преподавал Тит, Павел одобряет именно эту форму, отвергая все прочие, и увещевает Тита продолжать идти начатым курсом.

Прежде всего, апостол учит, каких именно служителей подобает избирать, и, среди прочих необходимых качеств, хочет, чтобы они были наставлены в здравом учении, дающем способность давать противникам отпор. По этому поводу Павел порицает нравы критян и, в особенности, иудеев, полагавших святость в различении видов пищи и других внешних установлениях. Отвергнув их нелепые выдумки, апостол противопоставляет им истинные упражнения в благочестии и христианском житии, и для лучшего усвоения сказанного описывает служения, подобающие отдельным призваниям. Он велит Титу усердно и неуклонно настаивать на этом учении, одновременно увещевая остальных не уставать от его постоянного выслушивания. Апостол учит, что именно в этом и состоит цель обретенного Христом искупления и спасения. Если же какой спорщик станет возражать или откажется повиноваться, апостол велит отворачиваться от такого человека.

Итак, мы видим, что Павел в своем послании стремился лишь к тому, чтобы встать на сторону Тита и протянуть ему руку помощи для совершения дела Господня.

Глава 1

1. Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа, по вере избранных Божиих и познанию истины, относящейся к благочестию, 2. в надежде вечной жизни, которую обещал неизменный в слове Бог прежде вековых времен, 3. а в свое время явил Свое слово в проповеди, вверенной мне по повелению Спасителя нашего, Бога, – 4. Титу, истинному сыну по общей вере: благодать, милость и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего.

(1. Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа, по вере избранных Божиих и познанию истины Его, относящейся к благочестию, 2. в надежде вечной жизни, которую обещал не способный лгать Бог прежде вековых времен, 3. а в свое время явил Свое слово в проповеди, вверенной мне по повелению Спасителя нашего, Бога, – 4. Титу, родному сыну по общей вере: благодать, милость и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего.)

1) *Раб Божий*. Столь длинная и тщательная похвала апостольства Павла показывает, что это послание больше адресовано церкви, нежели самому Титу. Ведь для последнего это апостольство не вызывало никакого сомнения. Павлу же привычно проповедовать свое призвание для утверждения собственного авторитета. Поэтому, видя, что его адресаты настроены тем или иным образом, апостол многословен или, напротив, краток в похвалах себе. Поскольку же в данном случае Павел намеревался призвать к порядку нагло превозносящихся людей, он весьма величественно превозносит свое апостольство.

Сначала Павел называет себя *рабом Божиим*, а затем упоминает о конкретном виде своего служения, а именно, о том, что он – *апостол Христов*. Ибо рабы Божии различаются по степени. Таким образом, апостол как бы спускается здесь от рода к конкретному виду. Следует также помнить о том, о чем я говорил в другом месте: слово «раб» означает здесь нечто иное, нежели общее повиновение, в каковом смысле рабами Божиими зовутся все верующие. А именно: я отношу этот термин к служителю, которому поручено какое-то конкретное дело. В этом смысле подобный титул некогда носили пророки, и Сам Христос – Глава всех пророков: вот, Раб Мой, Я избрал Его. И в этом же смысле называет себя рабом Божиим Давид, имея в виду собственное царское величие. Но возможно, что апостол называет себя рабом Божиим также из-за иудеев, поскольку последние имели обыкновение подрывать доверие к Павлу, противопоставляя ему закон. Итак, Павел хочет считаться апостолом Христовым, но так, что хвалится при этом служением вечному Богу. И он не только примиряет друг с другом эти две похвалы, но и учит, что они связаны между собой неразрывными узами.

По вере. На случай, если кто-то усомнится в его апостольстве, Павел соединяет его со спасением избранных Божиих, приводя тем самым наилучший довод, вызывающий доверие к собственной персоне. Он как бы говорит: между моим апостольством и верой избранных Божиих существует взаимное согласие, поэтому никто, кроме отверженных и чуждых правой веры, не станет его отвергать. Под избранными же Павел понимает не только тех из них, кто жил в те времена, но и всех, сколько их ни было от начала мира. Он хочет сказать, что провозглашает лишь то учение, которое согласно с верой Авраама и всех отцов. Поэтому, если сегодня кто-то хочет считаться преемником Павла, ему необходимо доказать, что он – служитель того же самого учения.

Однако в словах апостола также присутствует скрытое противопоставление: дабы неверие многих и их превозношение не причиняло никакого ущерба благовестию. Ибо и тогда, и сегодня немощных смущал и смущает соблазн, состоящий в том, что большинство людей, претендующих на то, что они – Церковь, отвергает подлинное Христово учение. Поэтому Павел учит, что, хотя именем Божиим хвалятся все, из этого множества большинство представляет собой отверженных, как и в другом месте (Рим.9:7) он говорит, что не все, происходящие от Авраама по плоти, являются его законными детьми.

И познанию. Я думаю, что союз «и» помещен здесь с целью истолкования и означает «или, иными словами». Ибо апостол объясняет, о какой именно вере он прежде говорил. Хотя здесь дается не полное определение веры, а ее описание, приспособленное к текущему контексту. Чтобы заявить, что его апостольство не повинно ни в каком мошенничестве и заблуждении, Павел свидетельствует, что оно содержит лишь несомненную и очевидную истину, наставляющую людей в подлинном поклонении Богу. Но, поскольку каждое слово имеет здесь свой смысл, полезно по отдельности эти слова разобрать.

Прежде всего, назвав веру познанием, апостол отличает ее не только от простого мнения, но и от бесформенного измышления папистов. Ибо последние изобрели скрытую веру, лишенную всякого света разумения. Павел же, приписывая вере познание истины как ее неотъемлемое качество, открыто показывает, что без познания нет никакой веры. И в слове «истина» он еще лучше выражает уверенность, которую требует природа веры. Ибо

она, не довольствуясь вероятным доводом, хочет держаться лишь за то, что на самом деле истинно. Далее, апостол говорит здесь не о какой угодно истине, а о небесном учении, противопоставляемом суе человеческому разуму. Ведь, поскольку через него нам являет Себя Бог, только оно достойно подобной чести, и Писание повсеместно присваивает титул истины только этому учению. Ин.16:13: и Дух ведет вас ко всякой истине. Также 17:17: слово Твое есть истина. Гал.3:1: кто прельстил вас, что вы не повинуетесь истине? Кол.1:5: услышав Слово истины, благовестие Сына Божия. 1Тим.2:4: хочет, чтобы все пришли к познанию истины. И 3:15: Церковь есть столп и утверждение истины. Вкратце, эта истина есть правильное и искреннее познание Бога, избавляющее нас от всякого заблуждения и обмана. И она высоко ценится нами, потому что нет ничего несчастнее, чем блуждать всю жизнь подобно скотам.

Следующая фраза «по благочестию» особо уточняет, о какой именно истине ранее говорил апостол, и одновременно хвалит учение Павла, исходя из его плода и цели. Ведь учение это направлено как раз на то, чтобы правильно почитать Бога, и чтобы среди людей процветала истинная религия. Таким образом апостол избавляет свое учение от всякого обвинения в мирском любопытстве. Об этом же Павел говорит перед Феликсом, Деян.24:10 и затем перед Агриппой, 26:1. Коль скоро все излишние вопросы заслуженно должны вызывать подозрение и даже неприязнь у благочестивых, законная похвала учению состоит только в том, что оно наставляет нас в почтении к Богу и страхе перед Ним. Отсюда мы также узнаем, что чем больше кто-то преуспевает в благочестии, тем лучший он ученик Христов. Подобным образом, лишь тот богослов должен считаться истинным, который назидает совесть в страхе Божиим.

Добавляя же: «в надежде вечной жизни», апостол, без сомнения, указывает на причину, именно об этом и говорит греческий предлог ἐνί. Поэтому эту фразу можно перевести и так: «по причине надежды» или «из-за надежды». Ведь с размышления о небесной жизни начинаются и истинная религия, и усердие к благочестию. Подобно тому, как, хваля веру и любовь колоссян, Павел ее причиной и основанием делает надежду, хранимую на небесах (Кол.1:5). Ибо саддукеи и все остальные, ограничивающие нашу надежду этим миром, что бы ни изображали из себя, могут вызвать лишь презрение к Богу, поскольку ставят людей в положение скотов. Посему у доброго пастыря всегда должна быть цель отвратить людей от мира сего и обратить их взор к небу. Признаю, что слава Божия должна цениться нами выше, чем наше собственное спасение. Но здесь речь идет не о том, что чему предшествует в порядке достоинства. Я утверждаю лишь, что люди истинно ищут Бога лишь тогда, когда надеются к Нему придти. Поэтому к благочестию обращаются лишь те, кто научился надеяться на небесную жизнь.

2) *Которую обещал Бог.* Августин, прочтя вместо «вековых времен» – «вечных времен», сильно утруждает себя вопросом о том, каким образом времена могут быть вечными. В конце концов, слово «вечные» он истолковывает в том смысле, что они превосходят любую древность. В отношении же смысла Августин согласен с Иеронимом и со всеми остальными в том, что Бог еще раньше постановил дать спасение, которое ныне открывает нам через Евангелие. Таким образом, Павел не вполне корректно употребил здесь глагол «обещать» вместо глагола «постановлять», ибо до появления людей не было никого, кому можно было что-то обещать. Я же, хотя и не отвергаю подобного толкования, все же, все тщательно взвесив, вынужден думать иначе, а именно: вечная жизнь была обещана людям много столетий назад, причем не только тем, кто жил тогда, но и нашему поколению. Ибо не только об одном Аврааме думал Бог, говоря (Быт.22:18): в семени твоём благословятся все народы. Он также имел в виду и всех его потомков. И этому пониманию не мешает то, что в первой главе Второго Послания к Тимофею апостол, говоря, что спасение было дано прежде вековых времен, подразумевает иной смысл. Ведь значение слова «век», тем не менее, одинаково в обоих отрывках. Коль скоро для греков αἰών есть непрерывная череда времен от начала до конца мира, в Послании к Тимофею Павел утверждает, что спасение

было дано или предназначено избранным Божиим прежде, чем потекли сами времена. Здесь же, рассуждая об обетовании, апостол имеет в виду не все времена, и не уводит нас к тому, что было прежде создания мира, а учит, что с тех пор, как было обещано спасение, уже прошло множество веков. Говоря коротко, «вековые времена» можно понимать здесь как сами века. Но, поскольку в отношении вечного избрания Божия спасение было дано прежде, чем обещано, в процитированном отрывке из Послания к Тимофею дарование спасения утверждается произошедшим прежде всех веков, и поэтому в данном месте подразумевается некий вселенский смысл.

В нашем же отрывке фраза «прежде вековых времен» означает не что иное, как то, что обетование древнее длинной череды веков, поскольку было дано сразу же после сотворения мира. В том же самом смысле в Рим.1:2 апостол учит, что Евангелие, которое должно было обнародоваться лишь после воскресения Христа из мертвых, тем не менее, обетовалось в Писании через пророков. Ибо обещание, некогда данное отцам, значительно отличается от явленной ныне благодати.

Неизменный в слове (не способный лгать). Эпитет **ᾠψευδής** добавлен не только ради похвалы Богу, но и для укрепления нашей веры. Действительно, всякий раз, когда речь заходит о нашем спасении, мы должны вспоминать о том, что оно основано на Слове Бога, не способного ни ошибаться, ни лгать. Больше того, неизменная истина Божия есть единственное доказательство всей нашей религии.

3) *А в свое время явил.* Явление произошло уже тогда, когда Бог в древности говорил через пророков. Но, поскольку Христос Своим пришествием открыто предъявил то, что пророки возвещали лишь смутно и неясно, и после этого в общение завета были приняты язычники, Павел именно в этом смысле говорит о явлении того, что прежде было явлено лишь отчасти. Фраза «в свое время» означает то же, что и «полнота времен» в Гал.4:4. Апостол учит, что, когда сообразовал действовать Господь, именно тогда и настало самое благоприятное время. Павел делает это для обуздания дерзости людей, всегда спрашивающих о том, почему что-то происходит не быстрее, почему завтра, а не сегодня? Поэтому, дабы мы не были любопытными сверх меры, апостол учит, что временные сроки находятся во власти Бога и оставлены на Его усмотрение. И о Боге не следует думать, будто Он делает что-то несвоевременно или неупорядоченно.

Свое слово. Здесь или подразумевается предлог «через» (что вполне привычно для греков), или же под словом апостол имеет в виду Христа. Хотя, возможно, здесь следует кое-что вставить для полноты предложения. Меня бы вполне устроило второе толкование, разве что оно немного натянуто. Так Иоанн говорит в своем послании (1:1) о том, что мы слышали, что видели нашими очами, что осязали наши руки, о Слове жизни, ибо жизнь явилась. Посему я предпочту более простой вариант: Бог явил жизнь через Слово, или явил Слово жизни через проповедь Евангелия.

Проповедь, о которой идет речь, есть провозглашенное Евангелие. Действительно, главное, что мы в нем слышим, это то, что нам дан Христос, и в Нем заключается жизнь. Далее, поскольку не все без исключения пригодны к подобному служению, и никто не должен навязывать сам себя, апостол по своему обыкновению говорит о собственном призвании. Здесь мы еще раз узнаем то, о чем часто говорили в других местах: честь положена лишь тому, кто докажет, что поставлен от Бога. Ведь и служители сатаны горделиво претендуют на то, что призваны Богом. Павел же всякий раз, упоминая о своем призвании, говорит лишь о чем-то известном и засвидетельствованном. Кроме того, из этого места мы выводим, с какой целью были поставлены апостолы, а именно: ради проповеди Евангелия. Как и в другом месте апостол говорит (1Кор.9:16): горе мне, если я не проповедую, ибо мне вверено домостроительство. Поэтому те, кто, пребывая в праздности и наслаждениях, играют роль немых людей, крайне неразумно претендуют на то, что являются преемниками апостолов.

Спасителя нашего. Апостол присваивает один и тот же эпитет Отцу и Сыну, коль скоро Каждый из Них – воистину Спаситель, но по особой причине. Отец является Спасителем потому, что искупил нас смертью Своего Сына, дабы сделать нас наследниками вечной жизни. Сын же – Спаситель потому, что внес Свою кровь как залог и плату за наше спасение. Таким образом, Сын принес нам спасение от Отца, Отец же дал его через Сына.

4) *Сыну по общей вере.* Отсюда ясно, в каком смысле о слуге Слова говорится, что он духовно рождает тех, кого приводит в послушание Христу. Он рождает их так, что одновременно рождается сам. Павел делает себя отцом Тита в отношении его веры. Но тут же добавляет, что эта вера – общая для них обоих, и оба они имеют на небесах Одного и Того же Отца. Поэтому Бог, называя духовными отцами тех, чьим служением возрождает кого Ему угодно, ничем не умаляет Собственных прав. Ибо люди делают что-либо не сами по себе, а только действенной силой Духа. Все остальное уже было истолковано в толковании на предыдущие послания, особенно на Первое Послание к Тимофею.

5. *Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал: б. если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности.*

(5. *Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты продолжил исправлять еще имеющее недостатки и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал: б. если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, не обесславленных из-за распутства или непокорности.*)

5) *Для того.* Подобное начало ясно показывает, что апостол наставлял Тита не столько ради него самого, сколько с целью похвалить его перед другими, дабы никто не оказывал ему помех. Павел свидетельствует, что сделал Тита своим представителем. Поэтому всем подобает признавать и почтительно принимать его как апостольского наместника. Ведь, коль скоро у апостолов не было никакого постоянного местопребывания, но была обязанность сеять Евангелие по всему миру, они, покидая один город или регион и перебираясь в другой, обычно поставляли вместо себя пригодных мужей, трудом которых завершалось то, что было уже начато. Так Павел говорит, что сам основал церковь в Коринфе, а другие были зодчими, обязанными строить на уже заложенном основании, то есть — завершать постройку здания. И это относится ко всем пастырям, коль скоро, покуда стоит мир, церкви всегда будут нуждаться в приросте и преуспевании.

Однако Титу была вверена забота по созиданию церкви сверх обычного пастырского служения. Ибо пастыри обычно ставятся в уже образованных и приведенных в порядок церквях. Тит же нес на себе большее бремя: он должен был образовывать еще не обустроенные надлежащим образом церкви, устанавливая в них вместе с дисциплиной определенный образ правления. Павел, зложив фундамент, впоследствии ушел. Поэтому завершение постройки и придание ей красивой формы было уже делом Тита. Павел называет это *исправлением еще имеющего недостатки*. Ибо созидание Церкви – не такое уж простое занятие, и ее нельзя полностью выстроить сразу.

Неясно, сколь долго Павел оставался на Крите. Однако он провел на нем какое-то время и добросовестно трудился, созидая Царство Христово. У него был наивысший опыт, каким только может обладать человек. Он трудился воистину без устали, и все же признается, что оставил постройку грубой и незавершенной. Отсюда становится очевидной трудность подобного служения. Да и сегодня мы знаем по собственному опыту, что возвращать падшие церкви хотя бы в терпимое состояние – дело не года и даже не двух лет. Поэтому даже тем, кто усердно трудился многие годы, еще надлежит прилагать усилия в исправлении многого.

Далее, полезно отметить скромность Павла: он охотно позволяет другому закончить то, что начал сам. И хотя Тит был много ниже апостола, последний не отказывается считать

его **ἐπαγορευτῇ**, вносящим завершающий вклад в начатое им дело. Так и должны быть настроены благочестивые учителя, дабы каждый из них не тщеславился и не присваивал себе всё, но все усердно помогали всем, и, если кто-то потрудился более успешно, остальные не завидовали, а радовались за него. Павел хочет исправления не того, что он сам упустил по незнанию, забывчивости или беспечности, но того, что не смог закончить из-за краткости своего пребывания на Крите. В конечном итоге, апостол повелевает Титу исправить то, что он исправил бы сам, если бы остался на острове дольше, причем не изменяя что-либо, а добавляя недостающее. Ибо трудность предприятия не позволяла закончить все в один день.

Поставил по всем городам пресвитеров. В деле духовного строительства самое важное после учения – это поставить пастырей, которые заботились бы об управлении церковью. Поэтому Павел упоминает о поставлении пастырей прежде всего прочего. Следует обратить особое внимание на то, что без служения пастырей церкви не могут оставаться невредимыми. Поэтому везде, где присутствует какой-то народ Божий, над ним следует ставить пастыря. Однако апостол не утверждает, что в каждом городе должен быть только один пастырь, он хочет лишь, чтобы пастыри были во всех городах и весях.

Хорошо известно, что пресвитеры или старейшины названы так не из-за их возраста. Ведь в это сословие порой записывались юноши вроде Тимофея. Но на всех языках общепринято называть таким образом правителей ради оказания им чести. И коль скоро из Первого Послания к Тимофею мы уже знаем, что были две разновидности пресвитеров, контекст настоящего отрывка тут же покажет нам, что апостол понимает здесь именно учителей, то есть тех, кто поставлялся ради обучения других. Ведь вскорости Павел этих же самых людей назовет епископами.

Однако кажется, что апостол позволяет Титу слишком многое, повелевая ему поставить служителей во всех церквях. Такая власть была бы почти что царской. Кроме того, в таком случае и отдельные церкви лишаются права избрания, и упраздняется суд коллегии пастырей. А это означало бы профанацию священного устройства Церкви. Но ответ очень прост: Титу не позволяется здесь по собственному усмотрению делать в одиночку все и поставлять над церквями каких ему угодно епископов. Апостол только велит ему, как и подобало, выступать на выборах в качестве председателя. Хорошо известно выражение, когда говорят, что правитель или диктатор поставил консулов, если председательствовал при их выборах. Так сказано и о Павле и Варнаве в написанных Лукою Деяниях. И не потому, что они одни, как бы в качестве повелителей, поставляли в церквях пастырями неиспытанных и никому не известных людей, а потому что ординировали пригодных кандидатов, избранных или испрошенных народом. Из этого отрывка мы узнаем, что в те времена служители Церкви не были равны настолько, чтобы один из них не превосходил другого в авторитете и при подаче голоса. Однако это не имеет ничего общего с тираническим и мирским способом поставления, процветающим в папстве, ибо образ действий апостолов был совсем другим.

6) *Если кто непорочен.* Дабы никто не злился на Тита за то, что он слишком придирчив и строг в отвержении некоторых людей, Павел берет все возможное негодование на себя. Он прямо говорит, что лично заповедовал, чтобы до служения допускались лишь те, кто подходит к настоящему описанию. Поэтому как раньше апостол засвидетельствовал, что лично поставил Тита председателем при избрании пастырей, дабы все уступили ему это право, так и теперь говорит о данных Титу предписаниях, дабы защитить его строгость от клеветы злых и неприязни неопытных. Этот отрывок следует тщательно разобрать, коль скоро он, словно на картине, рисует перед нами образ законного епископа. Но, поскольку почти все сказанное здесь я уже истолковал в комментариях на Первое Послание к Тимофею, нам будет вполне достаточно краткого обсуждения.

Ἀνέγκλητον апостол называет не того, кто избавлен от всякого порока (ибо такого невозможно где-либо найти), а того, кто не отмечен никаким бесславием, умаляющим его авторитет. Итак, Павел хочет, чтобы епископ пользовался доброй славой. О том, почему он должен быть *муж одной жены*, я уже говорил в толковании на Первое Послание к Тимофею. Среди иудеев полигамия распространилась настолько, что дурной обычай был почти что возведен в ранг закона. И если кто-то прежде обращения ко Христу имел двух жен, было бы бесчеловечно заставлять его отвергнуть одну из них. Поэтому апостолы терпели то, что в иной ситуации было бы весьма порочно. Терпели, потому что не могли исправить. И тот, кто ранее связал себя полигамным браком, даже если и был готов засвидетельствовать свое покаяние и оставить себе только одну жену, все же уже выказал неким образом собственную невоздержанность, способную поставить клеймо на его репутации. Поэтому Павел как бы повелевает избирать тех, кто ранее жил в целомудренном браке, довольствуясь единственной женою, и не допускает тех, чья похоть дошла до многоженства. Однако тот, кто после смерти своей жены женился на другой, уже будучи безбрачным, тем не менее должен считаться мужем одной жены. Ибо апостол учит избирать не того, кто был мужем одной жены, а того, кто является таковым сейчас.

Детей имеет верных. Поскольку от пастыря требуются основательность и благоразумие, эти качества должны проявляться и в его семейной жизни. Ибо тот, кто не может управлять своим домом, разве способен управлять церковью? Кроме того, непорочным надлежит быть не только самому епископу, весь его дом должен быть как бы зеркалом чистоты и благопристойности. Поэтому в Послании к Тимофею апостол столь же тщательно заповедует, какими должны быть жены пастырей. Здесь же от детей он требует, прежде всего, чтобы они были верными. А отсюда будет ясно, что они воспитаны в здоровом учении благочестия и страхе Господнем. Кроме того, дети епископа не должны быть распутны, дабы отсюда явствовало, что они приучены также к умеренности и бережливости. Наконец, эти дети не должны быть *непокорны*, поскольку тот, кто не может добиться повиновения и почтения от собственных детей, едва ли сумеет обуздывать народ надлежащей дисциплиной.

7. Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец, 8. но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан, 9. держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здоровом учении и противящихся обличать.

(7. Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий эконо́м, не упорен, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец, 8. но страннолюбив, усерден к проявлению доброты, умерен, справедлив, свят, воздержан, 9. держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здоровом учении и противящихся обличать.)

7) *Ибо епископ.* Апостол снова повторяет, что люди, желающие епископства, должны иметь добрую славу. И подкрепляет это доводом: коль скоро Церковь есть дом Божий, всякий, поставляемый для управления ею, поставляется как бы эконо́мом Божиим. Но среди людей плохой репутацией пользовался бы тот, кто взял бы в качестве эконо́ма человека дурного и опозоренного. Итак, тем более недостойно и нетерпимо ставить таких наглецов над домом Божиим. Слово же «домостроитель», которое Эразм сохранил, следуя древнему переводчику, никак не выражает мысли Павла. Ведь апостол, дабы избрание епископа совершалось с еще большей тщательностью, наделяет это служение почетным титулом, называя его начальством в доме Божием, как он говорит и в Послании к Тимофею: чтобы ты знал, как следует поступать в доме Божием, который есть Церковь, столп и утверждение истины (1Тим.3:15).

Далее, этот отрывок ясно учит нас следующему: между пресвитером и епископом нет никакого различия. Ведь теперь апостол называет именем «епископ» тех, кого ранее

назвал пресвитерами. Больше того, продолжая развивать тот же самый довод, Павел без различия использует оба эти слова в одинаковом смысле, как отметил и Иероним в толковании на данный отрывок и в своем послании к Евагрию. Отсюда можно понять, насколько излишне потакали тогда желаниям людей. Ведь речение Святого Духа оказалось отвергнутым, и, в конце концов, установилось словоупотребление, введенное человеческой волей. Меня вполне устраивает то, что сразу же после возникновения Церкви был принят обычай ставить в отдельных епископских коллегиях председателя, но переносить название служения, которое Бог вручил всем, на кого-то одного, лишая этого имени других, несправедливо и глупо. Кроме того, такое извращение языка Святого Духа – когда для нас те же самые слова означают нечто иное, нежели хотел сказать Он, – свидетельствует о весьма безбожной дерзости.

Не дерзок (не упорен). Этот порок апостол осуждает в епископе вполне обоснованно. Ведь обязанность епископа – не только дружески принимать тех, кто приходит добровольно, но и привлекать обратно уходящих, дабы всех равным образом привести ко Христу. Однако αὐθάδεια (как говорил Платон в каком-то письме к Диону) τῆς ἐρημίας ἐστὶ ξύνοικος, то есть упорство, при котором кто-то слишком привержен самому себе, сопровождается одиночеством. Ибо нельзя сохранять сообщество и дружбу там, где кто-то угождает себе настолько, что отказывается уступать другим и к ним приспособливаться. Действительно, всякий αὐθάδης, как только ему предоставляется случай, тут же становится раскольников.

Отсюда явствует, сколь вредна эта зараза, разрывающая Церковь на части и устраивающая расколы. И этому пороку противопоставляется, во-первых, обучаемость, а, во-вторых, дружелюбие и скромность по отношению ко всем. Ибо учить подобающим образом будет лишь тот епископ, который и сам готов учиться. По этому поводу Августин цитирует изречение Киприана: пусть он учится столь же терпеливо, сколь авторитетно поучает других. Кроме того, епископы часто нуждаются в советах и увещаниях. И если они отказываются принимать увещания, если отвергают здравые советы, то порою с большим риском для Церкви решаются на необдуманные поступки. Итак, врачевство от этих зол состоит в том, чтобы епископы не казались мудрыми самим себе.

Слово φιλάγαθον я предпочел перевести как «усерден к проявлению доброты», а не как Эразм – «усерден к добрым делам». Ибо эту добродетель, наряду с гостеприимством, Павел, кажется, противопоставляет алчности и нечистоте. *Справедливым* же апостол называет того, кто живет среди людей, не навлекая на себя вины. Слово же *святой* имеет отношение не к людям, а к Богу. Ибо такое же различие проводит между этими понятиями Платон.

9) *Держащийся, и т.д.* Это – первое качество, требуемое в епископе, избираемом главным образом ради научения других. Ведь Церковью нельзя управлять иначе, нежели словом. *Истинным словом* апостол называет чистое учение, исшедшее из уст Божиих. Он хочет, чтобы епископ держался за него и был не только надлежащим образом наставлен, но и постоянен в утверждении истины. Ибо некоторые неосновательные люди легко позволяют совратить себя разнообразными учениями, а других оставить защиту истины понуждают или страх, или какие-то иные обстоятельства. Итак, Павел велит избирать тех, кто, приняв истину Божию обеими руками и цепко за нее держась, никогда не позволят себе лишиться ее и не смогут от нее отделиться. Действительно, нет ничего опаснее вышеупомянутой неосновательности, когда пастырь нетвердо стоит в учении, непобедимым защитником которого должен был быть. В итоге, от пастыря требуется не только образованность, но и такое усердие к учению, которое никогда не позволит ему от него отказаться.

Но что означают слова «согласного с учением»? Они означают того, кто полезен в деле назидания Церкви. Ибо всё, чему обучаются или что узнают без какого-либо благочестивого плода, Павел обычно не называет словом «учение». Скорее он осуждает в суете все умствования, хотя и утонченные, но не приносящие никакой пользы. Так в

Рим.12:7 он говорит: кто учит, пусть делает это, поучая, то есть – стремится принести пользу слушателям. В итоге, первое требование состоит в том, чтобы пастырь знал здоровое учение, а второе – в том, чтобы он с твердым постоянством держался его исповедания до самого конца. Третье требование: он должен соотносить способ научения других с целью назидания: не тщеславно порхать в утонченностях глупого любопытства, а стремиться лишь к твердому преуспеванию Церкви.

Чтобы он был силен. Голос пастыря должен быть двояким. Одним он должен собирать овец, а другим удерживать и обращать в бегство волков и воров. И Писание обучает его обоим этим способностям. Ибо тот, кто надлежащим образом упражнялся в Писании, будет способен как управлять обучаемыми, так и опровергать врагов истины. И Павел отмечает это двоякое употребление Писания, говоря, что епископ должен быть силен *наставлять и обличать противящихся*. Отсюда мы узнаем: первое – в чем состоит истинное знание епископа; второе – для какой цели оно ему дается. Истинно мудр тот епископ, который придерживается правой веры. А правильно использует он знание тогда, когда приспособливает его к назиданию народа. Замечательная похвала Слову Божию! Провозглашается его достаточность не только для управления обучаемыми, но и для преодоления упорства врагов. Действительно, сила явленной Господом истины такова, что она легко устоит вопреки любой лжи. А теперь пусть выйдут вперед папские епископы и пусть хвалятся своим апостольским преемством! Большинство из них настолько чуждо всякого учения, что незнание свое они считают даже частью собственного достоинства.

10. Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, 11. каковым должно заграждать уста: они развращают целые дома, уча, чему не должно, из постыдной корысти. 12. Из них же самих один стихотворец сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». 13. Свидетельство это справедливо.

(10. Ибо есть много и неуступчивых, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, 11. каковым должно заграждать уста: они развращают целые дома, уча, чему не должно, из постыдной корысти. 12. Из них же какой-то их пророк сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». 13. Свидетельство это справедливо.)

10) *Ибо есть много.* Предписав общее правило, которое везде следует соблюдать, апостол, чтобы Тит придерживался его еще усерднее, указывает своему адресату на особую нужду, стоящую перед ним острее всех прочих. Он говорит, что Тит имеет дело со многими непокорными и неукротимыми людьми, что есть много ветреных, надмевающихся суетной болтливостью персон, много мошенников. Поэтому вождями следует избирать тех, кто может им сопротивляться и хорошо обучен. Ведь если опасности усиливают заботу и бдительность даже у сынов века сего, нам было бы весьма стыдно, в то время, как сатана строит всяческие козни, спокойно почивать так, словно нет никакой угрозы.

Непокорных (неуступчивых). Это слово древний переводчик передал как «непокорных», а Эразм – как «людей, с которыми нельзя иметь дело». Апостол имеет в виду тех, которые не позволяют призывать себя к порядку и стряхивают с себя любое ярмо послушания. *Пустословами* же Павел называет не создателей ложных догматов, но тех, кто, стремясь к тщеславной мишуре, следуют лишь за пустыми утонченностями. Ибо *ματαιολογία* противопоставляется здесь полезному и надежному учению. Поэтому апостол включает в это понятие все холодные и вздорные умствования, кичащиеся одной лишь внешней мишурой и ничем не способствующие благочестию и страху Божию. Таково сегодня все схоластическое богословие папистов.

И тех же самых людей апостол также называет *обманщиками*. Хотя это слово можно отнести и к другим людям, я все же думаю, что оно означает тех же самых, поскольку учителя подобного вздора ублажают и как бы зачаровывают людские умы, дабы они больше не воспринимали спасительного учения. Павел говорит, что такими особенно

часто были иудеи, и делает это, поскольку всем было весьма важно осознать, откуда идет подобная зараза. Ибо не подобает слушать говорящих, что надо щадить доброе имя небольшого числа людей там, где речь идет о великой опасности для всей Церкви. И, кроме того, иудеи были тем более опасны, что ставили себя выше прочих, ссылаясь на некую присущую им святость. И причина, по которой Павел остро обрушивается на иудеев, состоит в том, что он хочет лишить их возможности наносить вред.

11) *Каковым должно заграждать уста.* Поэтому добрый пастырь должен быть всегда бдительным, не позволяя своим молчанием проникнуть вредным и превратным учениям, и не давая время дурным людям их распространять. Но спрашивается: как же епископ принудит умолкнуть упорных и непокорных людей? Ибо таковые, сколь бы основательно их ни опровергали, никогда не замолкнут. Более того, чем очевиднее их обличают и опровергают, тем более они наглеют. Помимо того, что в них возрастает и возжигается злоба, они начинают вести себя еще более бесстыдно. Отвечаю: если таковые поражены мечом Слова Божия и приведены в смущение силой истины, Церковь имеет право заповедать им молчание. Если же они продолжают говорить, то их можно, по крайней мере, не допускать в сообщество верных, дабы не давать возможности причинять вред. Хотя фразу «заграждать уста» Павел понимает просто как «опровергать их пустословие», несмотря на то, что они продолжают свои пререкания. Ибо тому, кто обличен Словом Божиим, нечего сказать, что бы он там ни говорил.

Развращают целые дома. Даже если ниспровергается вера одного человека, то, поскольку речь идет о гибели искупленной кровью Христовой души, пастырь должен тут же препоясаться и приготовиться к сопротивлению. Но тогда как же нетерпимо смотреть на гибель целых домов! И апостол указывает на способ развращения: эти люди *учат, чему не должно*. Отсюда можно заключить, сколь опасно хотя бы йоту отходить от здравого учения. Ведь апостол не говорит, что догматы, которыми эти люди развращают веру многих, были явно нечестивыми. Под этими догматами можно понимать любые искажения, посредством которых совершается отход от усердия к назиданию. И это действительно так, ведь при подобной немощи плоти мы крайне склонны к падению. Поэтому сатана через своих служителей быстро и легко уничтожает то, что благочестивые учителя ранее воздвигали путем долгих и великих трудов.

Апостол также указывает на источник этого зла: *постыдную корысть*. Он хочет сказать этим, сколь пагубна эта зараза в учителях. Ибо как только они решают действовать из корысти, то с необходимостью должны угождать и уступать людям. А из этого тут же следует искажение чистого учения.

12) *Один стихотворец (какой-то их пророк).* Не сомневаюсь, что апостол имел в виду критянина Эпименида. Ведь, говоря, что он один из них и их пророк, Павел без сомнения хотел сказать, что этот человек – живший на Крите язычник. Но не ясно, почему апостол называет его пророком? Некоторые объясняют дело так: книга, из которой Павел почерпнул подобное свидетельство, называлась *περὶ χρημῶν*. Другие думают, что апостол говорил иронически. Он назвал пророком того, кто был достоин народа, отказавшегося слушать рабов Божиих. Но, поскольку греки пророками порою называют поэтов, как и латиняне именуют их прорицателями, я понимаю это слово проще, относя его к учителю. Кажется, что подобное название возникло от того, что поэты всегда считались чем-то *θεῶν καὶ ἐνθουσιαστικὸν*. Поэтому и Адимант у Платона, во второй книге «О Государстве», назвав поэтов сынами богов, добавляет, что они были и их пророками. Так что мне кажется, что Павел приспособливает здесь свою речь к обычному словоупотреблению. И неважно, по какому поводу Эпименид называет лжецами своих соплеменников. Он сделал это потому, что они претендовали на обладание могилой Юпитера. Но, поскольку поэт почерпнул это из древней и общеизвестной молвы, апостол цитирует его слова как некую поговорку. Если угодно переложить греческий стих на латынь, можно удачно перевести так:

Лживым и праздничным, всегда зверем злым был Критянин.

Кроме того, отсюда мы делаем вывод о суеверности тех, кто не решается ничего заимствовать у мирских писателей. Ведь, коль скоро всякая истина от Бога, если нечестивые что-то говорят правильно и со знанием, этого не следует отвергать, поскольку автор сказанного – Бог. Кроме того, коль скоро все принадлежит Богу, то почему непозволительно использовать для Его славы все, что можно подходящим образом употребить для этой цели? Но по этому вопросу пусть обращаются к Василию и читают его речь *πρὸς τοὺς νέους* и др.

13) *Свидетельство это справедливо.* Каким бы суетным ни был сам свидетель, Павел признает истинность сказанного им. Кроме того, нет сомнения в том, что критяне, о которых апостол столь нелестно отзывается, были действительно наихудшими. Ибо тот, кто обычно милостиво говорил о людях, достойных крайне сурового отношения, никогда бы не проявил к критянам подобной жесткости, если бы его к этому не вынудили соответствующие причины. Что можно представить оскорбительнее поношений: ленивые, чревоугодные, вероломные, злые звери? И в этих пороках порицается не тот или иной человек, а весь народ. Действительно, чудесен замысел Божий: народ до такой степени извращенный и бесславный из-за своих пороков Он одним из первых призвал к участию в Его Евангелии. Но равным образом удивительна Его благодать, состоящая в том, что недостойных даже обычной жизни Бог удостоил небесной благодати. Итак, даже в этой столь развращенной стране, как бы посреди ада, Церковь Христова имела некое пристанище и продолжала распространяться, хотя и была заражена скверною царящего там зла. Ибо Павел порицает здесь не только чужих, но и особенно тех, кто уже присоединился ко Христу. И поскольку апостол видел, что эти гнусные пороки уже пустили корни и повсеместно распространились, он, дабы исцелить еще способных вылечиться, не щадит репутации целого народа.

По сей причине обличай их строго, дабы они были здоровы в вере, 14. не внимая Иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины. 15. Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть. 16. Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу.

(По сей причине обличай их строго, дабы они были здоровы в вере, 14. не внимая Иудейским басням и заповедям людей, отвращающихся от истины. 15. Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть. 16. Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу.)

По сей причине обличай. Немаловажная сторона осмотрительности и благоразумия, которыми должен быть наделен епископ, а именно: он должен соотносить преподавание с характером и нравами людей. Ибо с наглыми и непокорными нельзя обращаться так же, как с кроткими и обучаемыми. К последним следует относиться с мягкостью, отвечающей их обучаемости, а наглость первых достойна сурового порицания. Как говорится: каков узел, таков и клин. И здесь также сказано, почему апостол хочет от Тита большей жесткости и остроты в их обличении: критяне были похожи на злобных зверей.

Дабы они были здоровы в вере. Не ясно, противопоставляет ли апостол косвенно эту здравость упомянутым им болезням или просто заповедует критянам пребывать в здоровой вере. Второе понимание мне больше по душе. Итак, коль скоро критяне сами по себе были крайне порочными и легко развращались все больше и больше, апостол хочет с большей строгостью и пунктуальностью удерживать их в правой вере. Затем Павел показывает, каким образом сохраняется эта здоровая вера. Она сохраняется там, где не искажается никакими баснями. И чтобы критяне остерегались этой опасности, апостол предписывает

им врачество: не отвращаться душою от правого учения. Ибо Бог хочет, чтобы мы внимали Его Слову так, что одновременно закрывали бы уши для всякого вздора. Действительно, там, где однажды утвердилась истина Божия, все Ему противоречащее будет неразумным и никак не должно обращать к себе наши умы. Поэтому, если мы желаем сохранить веру целостной, мы должны научиться сдерживать все наши чувства, дабы они не стремились к чему-либо чуждому. Ибо, как только кто-то начинает внимать басням, он тут же теряет чистоту веры.

14) *Иудейским басням.* Баснями апостол называет все глупые измышления. По латыни это звучало бы как «взор». Ведь тут же добавленные им слова о *заповедях людей* означают то же самое. Врагами же *истины* он называет тех, кто, не довольствуясь чистым учением Христовым, примешивает к нему собственные выдумки. Ибо все придуманное людьми следует считать басней. И этот порок апостол прежде всего приписывает иудеям, коль скоро они под видом закона Божия навязывали свои суеверные обряды. Язычники, понимая, что всю предыдущую жизнь провели в горестном заблуждении, отрекались от нее легче, а иудеи, поскольку были воспитаны в набожности, упорно держались за привычные им обряды, и их нельзя было убедить в том, что закон уже отменен. Таким-то вот образом иудеи и возбуждали волнения во всех церквях. Ибо, как только благовестие где-то начинало утверждаться, они без устали оскверняли его собственной закваской. Поэтому Павел не только в целом запрещает критянам отходить от здорового учения, но и как бы пальцем указывает на текущее зло, от которого надо было их предостеречь.

15) *Для чистых все чисто.* Здесь апостол говорит об одной разновидности баснословных учений. Ибо различие пищи, временно заповеданное Моисеем, иудеи навязывали всем как до сих пор необходимое. Больше того, в подобных правилах они заключали почти всю святость. Сколь пагубным было это для Церкви, мы говорили в другом месте. Во-первых, на совесть набрасывалась петля порабощения. Во-вторых, у неопытных, увлеченных подобным суеверием, на глаза набрасывалось покрывало, и они не преуспевали в чистом познании Христа. Если же кто-то из язычников отказывался нести это ярмо, поскольку к нему не привык, иудеи яростно боролись с ним, как будто речь шла о главном артикуле веры. Поэтому Павел вполне обоснованно постоянно противится подобным искажениям благовестия. И в этом месте он не только опровергает заблуждение иудеев, но и красочно высмеивает их суетность, говоря, что они без всякой пользы утруждают себя воздержанием от отдельных видов пищи.

В первой части предложения апостол утверждает христианскую свободу, возвещая, что для верных нет ничего нечистого. Поскольку же речь здесь идет не о телесном здоровье, а о спокойствии совести, апостол имеет в виду лишь то, что различие пищи, имевшее силу во времена закона, уже упразднено. И по этой же причине очевидно: дурно поступают те, кто в этом вопросе навязывает совести какие-то религиозные правила. Ибо сказанное – не учение какого-то одного века, а вечное изречение Святого Духа, которому не должен противоречить никакой новый закон. Поэтому до конца мира пребудет верным положение о том, что перед Богом никакая пища не является непозволительной. Так что этот отрывок подходяще и подобающе приводят против тиранического закона папы, запрещающего в определенное время вкушение мяса. И мне вполне известно, к каким уловкам прибегают паписты. Они отрицают, что запрещают употребление мяса из-за его нечистоты (ибо признают, что все виды пищи сами по себе чисты и позволительны), и говорят, что устанавливают воздержание от мяса по иной причине: дабы укротить плотское распутство. Как будто бы Бог некогда запретил питаться свининой потому, что считал свиней нечистыми! Ведь даже во времена закона отцы сознавали, что все, созданное Богом, чисто и непорочно, но некоторые виды пищи считались нечистыми именно потому, что было непозволительным их употребление как запрещенное Божиим указом. Поэтому апостол называет здесь все чистым именно в том смысле, что в отношении совести все позволительно. Таким образом, если какой-то закон связывает

совесть необходимостью воздержания от определенной пищи, он нечестиво отменяет свободу, дарованную верующим от Бога.

А для оскверненных. Во второй части предложения апостол высмеивает бесполезные и незаконные меры предосторожности подобных учителей. Он говорит, что, остерегаясь нечистоты отдельных видов пищи, эти люди ничего не достигают, поскольку все, к чему они прикоснутся, не может оставаться чистым. И почему? Потому что они сами осквернены, и одним лишь их прикосновением оскверняется то, что в противном случае было бы чистым.

Неверующих же апостол не объединяет здесь с нечистыми, а делает это добавление с целью истолкования. Коль скоро перед Богом нет чистоты, кроме чистоты веры, отсюда следует, что все неверующие нечисты. Поэтому никакими законами или правилами они не достигнут чистоты, к которой стремятся. Ведь, будучи нечисты сами, они не найдут в мире для себя ничего чистого.

Но осквернены. Апостол указывает на источник, из которого истекает вся грязь, распространяющаяся на всю человеческую жизнь. Ибо, если не очищено сердце, то, хотя бы перед людьми твои дела блистали и благоухали, у Бога они вызовут отвращение собственной гнусностью и вонью. Ибо Господь смотрит на сердце, 1Цар.16:7, и: очи Его взирают на истину, Иер.5:3. Поэтому то, что возвышенно перед людьми, перед Ним гнусно и непотребно. Под умом апостол понимает разум, а *совесть* скорее относится здесь к сердечному чувству.

Здесь надо отметить два момента: Бог оценивает человека исходя из искренности его сердечного чувства, а не из его внешних дел. Кроме того, скверна неверующих столь велика, что заражает не только самого человека, но и все, к чему он прикасается. По этому вопросу я отсылаю читателей ко второй главе книги пророка Аггея. Поэтому в другом месте (1Тим.4:5) тот же Павел учит, что все освящается для нас Словом, коль скоро для людей чистым является лишь то, что они с верою принимают из длани Божией.

16) *Они говорят, что знают Бога.* Апостол говорит об этих людях так, как они этого заслуживают. Ибо лицемеры, настаивая на самых незначительных правилах, при этом спокойно пренебрегают главным в христианской жизни. Поэтому, когда в их откровенных преступлениях проявляется презрение к Богу, они тем самым выдают собственную суетность. Именно это и имеет здесь в виду Павел: желающие казаться воздержанными по отношению к определенному виду пищи, между тем, нагло распутствуют, как бы сбросив с себя ярмо. Их нравы гнусны и порочны, и в их жизни не видно даже искорки добродетели.

Глава 2

1. Ты же говори то, что сообразно с здравым учением: 2. чтобы старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здоровы в вере, в любви, в терпении; 3. чтобы старицы также одевались прилично святым, не были клеветницы, не поработались пьянству, учили добру; 4. чтобы вразумляли молодых любить мужей, любить детей, 5. быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми, покорными своим мужьям, да не порицается слово Божие.

(1. Ты же говори то, что подобает здравому учению: 2. чтобы старцы были трезвенны, степенны, умеренны, здоровы в вере, в любви, в терпении; 3. чтобы старицы также ходили в религиозно благопристойной одежде, не были клеветницами, не поработались пьянству, учили честности; 4. чтобы учили молодых умеренности, дабы они любили мужей и детей, 5. были умеренными, чистыми хранительницами дома, добрыми, покорными своим мужьям, да не порицается слово Божие.)

1) *Ты же говори.* В качестве врачевства от басней апостол велит Титу усердствовать в назидании. *Здравым* он называет то учение, которое способно наставить людей в

благочестии. Ибо когда преподается нечто основательное, всякий вздор тут же исчезает. Далее, повелевая Титу говорить подобающее здоровому учению, апостол как бы утверждает, что ему следует постоянно заниматься подобной проповедью. Ибо не достаточно упомянуть о подобных вещах раз или два. И Павел ведет речь не о какой-то одной проповеди, но, доколе Тит исполняет обязанности пастыря, хочет, чтобы он полностью отдавался учению. Учение же называется здесь здоровым исходя из его результата, подобно тому, как и, наоборот, глупые люди, по словам апостола, утруждаются вопросами, не приносящими пользы. Итак, *здоровое* означает здесь спасительное учение, воистину пасущее души. Поэтому одним этим словом, словно торжественным эдиктом, апостол изгоняет из Церкви все умствования, больше служащие мишуре, нежели благочестию, как он делает это и в обоих Посланиях к Тимофею.

Здоровое же учение апостол разбивает на две части. Первую, в которой восхваляется благодать Божия во Христе, и из которой мы узнаем, где именно надо искать спасение. И вторую, в которой обучают жить в страхе Божиим и невинности. И хотя первая часть, содержащая в себе веру, много превосходнее, и поэтому должна внушаться с большим усердием, все же Павел, обращаясь к Титу, не особенно заботился о сохранении должного порядка. Ведь он имел дело с уже опытным человеком и оскорбил бы его, если бы стал излагать то, что обычно внушают новичкам и неучам. Действительно, в лице Тита апостол поучает всю критскую церковь, однако при этом Павел соблюдает определенное приличие, дабы не казалось, будто он не доверяет благоразумию адресата. Кроме того, апостол дольше останавливается на увещеваниях, потому что людей, занимающихся лишь праздными вопросами, следовало в особенности призвать к усердию в святой и благоприличной жизни. Ибо больше всего обуздывает неумное людское любопытство осознание того, в каком служении люди должны себя упражнять.

2) *Чтобы старцы были бдительны (трезвенны).* Чтобы сделать свою речь более понятной, апостол начинает с поучения о частных служениях. Он поступает так не только для того, чтобы приспособиться к восприятию слушателей, но и чтобы лучше внушить каждому то, что хочет сказать. Ибо общее учение затрагивает людей не столь сильно. Если же на немногих примерах апостол увещевает отдельных людей об их призваниях, каждый сделает вывод, что Господь поручил ему достаточно дел, в которых он может себя упражнять. Поэтому у нас нет оснований усматривать здесь какой-то общий подход. Ведь намерение Павла заключалось лишь в том, чтобы вкратце показать, о каких предметах должны говорить благочестивые учителя, а не в том, чтобы всестороннее рассматривать эти вопросы.

Вначале апостол упоминает о старцах. Он хочет, чтобы они были трезвенны, поскольку пьянство – весьма частый порок старости. Степенность же, о которой он затем говорит, составляет благоустроенность нравов. Ибо нет ничего гнуснее по-юношески распутствующего старца, подстрекающего своей неводержанностью подростков к бесстыдству. Поэтому в жизни стариков должна сиять *σεμνότης*, то есть определенное достоинство, внушающее юношам стыдливость. А этого качества старцы достигнут прежде всего посредством умеренности, которую Павел ставит на третьем месте.

Здравы в вере. Не знаю, присутствует ли здесь косвенный намек на различные старческие болезни, которым апостол противопоставляет подобную здравость души. Мне кажется, что это именно так, хотя не буду утверждать ничего определенного. В этих трех фразах апостол заключает итог христианского совершенства. И делает это не без основания. Ибо верою мы почитаем Бога, поскольку ни призывание, ни какие-то другие упражнения в благочестии нельзя отделять от веры. *Любовь*¹ же распространяется на все заповеди второй скрижали. За ней следует *терпение* в качестве приправы к обоим предыдущим добродетелям. Ибо без терпения вера не устояла бы долго. И ежедневно происходит

¹ Братскую любовь.

много такого, что могло бы оскорбить нас недостойнством или грубостью. В результате чего мы не только ослабли бы, но и полностью отвратились бы от обязанностей любви, если бы нас не поддерживало терпение.

3) *Чтобы старицы также.* Часто можно видеть достигших преклонного возраста матрон одевающимися или распутно, или, наоборот, суеверно. Они весьма редко придерживаются здесь середины. И Павел хотел устранить оба этих порока, предписывая вид одежды, соответствующий приличию и благочестию. Или, выражаясь проще, он хочет, чтобы матроны выказывали святость и благочестие даже своим одеянием. Павел исправляет и два других порока, коим были подвержены старицы, запрещая им клеветничество и пьянство. Говорливость – типично женский порок, и в старости он только усиливается. Сюда же добавляется и то, что женщины довольны своим красноречием лишь тогда, когда болтливы и злоречивы, когда поносят всех. Поэтому клеветническая болтливость стариц весьма часто служит как бы горящим факелом, устраивающим пожар во многих домах. Многие из них также склонны к пьянству, из-за чего, забыв о скромности и степенности, ведут себя нагло и неприлично. Впрочем, чтобы они обращали большее внимание на положенное им служение, апостол учит, что им не достаточно благопристойно жить, если они при этом не прививают *молодым* девицам благочестивый и стыдливый образ жизни. Он говорит об этом для того, чтобы своим примером старицы внушали молодым умеренность и степенность, коль скоро в противном случае последними овладела бы присущая молодому возрасту горячность.

4) *Вразумляли молодых любить мужей (дабы они любили мужей).* Я не согласен с теми, кто думает, будто здесь перечисляются заповеди, которым матроны должны учить молодых девиц. Ведь, если внимательно обдумать контекст, можно заметить, что Павел говорит об общих обязанностях женщин, подходящих и старикам. Кроме того, толковать *σωφρονίζωσι* как *σώφρονας εἶναι* было бы весьма нелепо. Хотя, предписывая матронам какими они должны быть, апостол одновременно обращается и к молодым, говоря, какому они должны следовать примеру. Таким образом, Павел обучает здесь и тех, и других. В итоге, апостол хочет, чтобы женщины ограничивались супружеской любовью и любовью к детям, не позволяя себе предаваться похотливым вожелениям. Он хочет, чтобы они трезвенно и сосредоточенно управляли своим домом, запрещает им шататься в общественных местах, повелевает быть чистыми и одновременно скромными, подчиняться власти мужей. Ибо женщины, выделяющиеся какими-то добродетелями, часто используют это обстоятельство как повод для неподчинения мужьям.

Фразу же «да не порицается слово Божие» многие относят главным образом к женщинам, состоящим в браке с неверующими мужьями, которые могли бы судить о Евангелии, исходя из дурных нравов своих жен. И кажется, что такое толкование подтверждается словами Петра в его Первом Послании, 3:1. Но что если апостол имеет здесь в виду не одних мужей? Действительно, вероятнее, что он требует от женщин просто благопристойной жизни, дабы они не бесславили Евангелие в народе своими пороками. Остальное можно прочесть в толковании на пятую главу Первого Послания к Тимофею.

6. Юношей также увещевай быть целомудренными. 7. Во всем показывай в себе образец добрых дел, в учительстве чистоту, степенность, неповрежденность, 8. слово здоровое, неукоризненное, чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого. 9. Рабов увещевай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, 10. не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего, Бога.

(6. Юношей также увещевай быть умеренными. 7. Во всем показывай в себе образец добрых дел в учении, целостность, степенность, 8. слово здоровое, неукоризненное, чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого. 9. Рабов – повиноваться своим господам, стремиться угождать им во всем, не прекословить, 10. не красть, но

выказывать всю добрую веру, дабы они во всем украшали учение Спасителя нашего, Бога.)

6) *Юношей.* Юношей апостол велит наставлять только в умеренности, поскольку эта добродетель (как учит Платон) исцеляет человеческую душу. И Павел как бы говорит: они должны быть благорасположенными и повинующимися разуму.

7) *Показывай в себе образец.* Ибо учение будет иметь лишь небольшой авторитет, если в жизни епископа, словно в зеркале, не будут блистать его сила и величие. Апостол хочет, чтобы учитель служил примером для учеников, с которым они могли бы соотноситься. Следующую же фразу можно толковать двояко из-за не вполне ясного построения речи. Сначала апостол говорит «в учении», а затем добавляет в винительном падеже «целостность, степенность», и т.д. Опустив прочие толкования, приведу лишь такое, которое кажется мне самым вероятным. Прежде всего, я соединяю слова так: «добрых дел в учении». Ибо апостол, повелев через учение внушать усердие к добрым делам, хочет, чтобы добрые дела, соответствующие этому учению, сияли в жизни учителя. Поэтому союз «в» указывает здесь на сообразность. То же, что следует за этим, не содержит никакой неясности. Чтобы Тит выказывал своими нравами образец претворения в жизнь собственного учения, апостол велит ему быть целостным и степенным.

Слово здоровое (на мой взгляд) относится здесь и к жизни в целом, и к частным беседам. Ведь было бы глупым относить его к общественной проповеди, коль скоро апостол хотел лишь, чтобы Тит делами и словами являл жизнь, соответствующую его учению. Поэтому он велит, чтобы слова Тита были чисты и удалены от всяческой порчи. Прилагательное «неукоризненное» можно отнести как к слову, так и к личности Тита. И мне больше нравится второе толкование, дабы к этому прилагательному относились все последующие слова в винительном падеже что греческий синтаксис легко допускает, и смысл был бы таким: чтобы ты явил себя неукоризненным в степенности, целостности, здоровых словах.

8) *Чтобы противник.* Хотя христианин должен стремиться и к другим целям, ему не стоит пренебрегать и той, чтобы заграждать уста нечестивых. И нас повсеместно увещевают не давать им повода для злословия. Ибо все постыдное, что могут найти в наших нравах, противники тут же обращают против Христа и Его учения. Таким образом, по нашей вине священное имя Божие подвергается поношению. Поэтому, чем более мы остерегаемся врагов, тем более прилежно должны остерегаться их клеветы, и их злоба должна обострять наше усердие к доброделанию.

9) *Рабов.* Уже было сказано, что Павел лишь вкратце затрагивает некоторые вопросы с тем, чтобы привести примеры, а не излагает эти вопросы всесторонне, как если бы прямо взялся за их рассмотрение. Посему, слыша, как апостол повелевает рабам *угождать господам во всем*, мы должны относить это усердие угождать в том, что делается правильно. И это ясно из других похожих отрывков, где подчеркнуто добавляется оговорка: все должно происходить согласно Богу.

Можно отметить, что здесь апостол в особенности настаивает на том, чтобы находящиеся под властью других были уступчивы и послушны. Павел делает это вполне обоснованно. Ибо больше всего человеческой природе противно повиновение, и существовала опасность, как бы под предлогом Евангелия рабы не стали неуступчивее, думая, будто недостойно повиноваться власти нечестивых господ. Тем большее усердие и старание должны были выказывать пастыри для устранения и обуздания их надменности. Здесь апостол затрагивает два характерных для рабов порока: страсть к прекословию и воровству. Комедии полны примеров чрезмерной говорливости рабов, посредством которой они высмеивают своих господ. Кроме того, в определенное время люди не без причины переименовали рабов в воров. Поэтому приложение заповедей к нравам отдельных людей свидетельствует о благоразумии апостола.

Под *верою* апостол имеет здесь в виду верность. Поэтому «выказывать всю веру» означает проявлять добросовестность, не обманывать своих господ и не вредить им, обустривая их дела.

10) *Учение*. Слова о том, что нашими честными нравами украшается учение Божие, которое есть зеркало Его славы, должны служить для нас самым острым увещательным стимулом. Действительно, мы видим, что обычно так и происходит. Как и, наоборот, наша преступная жизнь покрывает учение позором. Ибо учение обычно оценивается по делам. Но следует отметить и то обстоятельство, что Бог соизволил принять прославление именно от рабов, чье положение было настолько презренно и никчемно, что их едва ли считали людьми. Ибо апостол говорит не о слугах, которых мы видим сегодня, но об имуществе, которым владели, купив за деньги словно быков или коней. И если жизнь даже этих людей есть украшение христианского имени, пусть те, кто пребывает в почете, еще больше остерегаются запятнать его своим гнусным поведением.

11. Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, 12. научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, 13. ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, 14. Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам. 15. Сие говори, увещевай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегал тебя.

(11. Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, 12. научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, умеренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, 13. ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, 14. Который дал Себя за нас, чтобы искупить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам. 15. Сие говори, увещевай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегал тебя.)

11) *Ибо явилась*. Довод апостола исходит здесь из цели искупления. Он учит, что эта цель – усердие в благочестивом и праведном житии. Отсюда следует: обязанность доброго пастыря – увещевать к святой жизни, а не занимать людские умы праздными вопросами. Он искупил нас (возглашает Захария в своей песне, Лк.1:74), чтобы мы в святости и невинности служили Ему во все дни нашей жизни. И по той же причине Павел говорит: явилась благодать Божия, научающая нас. Он хочет сказать, что благодать должна служить нам как бы наставлением в правильном обустройстве жизни. Ибо одни используют проповедь о милосердии Божиим как повод для вседозволенности, а другим мешает размыслить об обновлении жизни их лень. Но явление благодати Божией с необходимостью влечет за собой увещевания к благочестивому житию.

Спасительная для всех. Апостол подчеркнуто говорит, что благодать обща для всех, включая в их число и ранее упомянутых рабов. Между тем, Павел имеет здесь в виду не отдельных личностей, а скорее сословия или разные образы жизни. И фраза о том, что благодать Божия снизошла даже до рода рабов, содержит в себе немалую эмфазу. Ведь, коль скоро Бог не презирает даже немощных и крайне жалких, нам было бы весьма глупо выказывать лень и медлительность в принятии Его благодати.

12) *Отвергнув нечестие*. Теперь апостол возвещает нам правило благоустройства жизни и говорит о том, с чего следует начать, а именно: с отречения от предыдущей жизни, о двух качествах которой – нечестии и мирских похотях – Павел упоминает особо. Под нечестием я разумею не только суеверия, из-за которых люди прежде заблуждались, но и мирское презрение к Богу, процветающее в людях, доколе они не просвещаются к познанию истины. Ведь даже если эти люди внешне и выказывают какое-то благочестие, искренне и от души они все же не боятся и не почитают Бога. Напротив, совесть их как будто спит, и они меньше всего думают о том, что Богу следует выказывать повиновение.

Мирскими же похотями апостол называет чувствования плоти, поскольку, пока Господь не привлечет нас к Себе, мы думаем только об этом мире. Ведь помышление о жизни небесной начинается с момента возрождения. До него же люди прилепляются к миру и прилагают усердие только к достижению мирских целей.

Целомудренно (умеренно), праведно и благочестиво. Прежде апостол упомянул о трех добродетелях, коими хотел выразить сущность христианской жизни, теперь же он определяет эту жизнь с помощью трех других: благочестия, праведности и умеренности. Благочестие – это почитание Бога, праведность же относится к взаимоотношениям между людьми. И тот, кто наделен этими двумя качествами, имеет все необходимое для совершенной добродетели.

Действительно, в законе Божиим нам преподается наивысшее совершенство, к которому ничего нельзя добавить. Но подобно тому, как упражнения в благочестии – как бы добавок к первой скрижали, так и умеренность, о которой Павел здесь упоминает, относится только к соблюдению закона, и, как я уже говорил о терпении, добавляется к первым двум добродетелям в качестве приправы. И апостол вовсе не противоречит сам себе, упоминая то о терпении, то об умеренности в качестве дополнения к святой жизни. Ибо эти добродетели не разнятся друг с дружкой, коль скоро *σωφροσύνη* включает в себя терпение.

Апостол добавляет «в нынешнем веке», поскольку Господь предназначил настоящую земную жизнь для испытания нашей веры. И хотя плод добрых дел еще явился не полностью, для усердия к добродетелям нам должно быть достаточно надежды, о которой апостол тут же упоминает особо.

13) *Ожидая блаженного упования*. Апостол основывает свое увещание на надежде грядущего бессмертия. Действительно, если эта надежда прочно укоренится в наших душах, то обязательно полностью привяжет нас к Богу. И, наоборот, те, кто не перестает жить для плоти и мира, никогда не вкушали силы обетования вечной жизни. Ибо Господь, призывая нас на небо, тем самым отваживает от земли. Упованием же апостол называет здесь то, на что мы уповаем. В противном случае изречение его нельзя было бы понимать буквально. Так Павел называет счастливою жизнь, уготованную нам на небе. Одновременно апостол говорит о том, когда именно мы станем ее причастниками, и на что нам следует обращать внимание всякий раз, как в нас возникает помышление о нашем спасении или желание им обладать.

Славу Божию я толкую не только как ту, посредством которой Бог славен в Самом Себе, но и как ту, посредством которой Он тогда неким образом распространит Себя повсюду, делая причастниками этой славы всех Своих избранных. *Великим* же апостол называет Бога потому, что Его величие, которое ныне люди принижают и даже порой по мере собственных сил изничтожают, ослепленные суетным блеском мира сего, в последний день наконец-то проявит себя полностью. Ибо образ мира сего, являясь перед нашим взором чем-то великим, так застилает нам очи, что слава Божия как бы остается в тени. И Христос пришествием Своим рассеет дым мира сего, так что больше ничто не будет затемнять сияние Его славы или затуманивать ее величие. Господь каждый день выказывает Свое величие Собственными делами, но, поскольку лицезреть его людям мешает их слепота, об этом величии говорится как бы о пребывающем в потемках. Но Павел хочет, чтобы уже сейчас верующие думали о том, что откроется в последний день, и поэтому возвеличивали Бога, Которого мир или презирает, или, по крайней мере, не оценивает по достоинству.

Далее, не вполне ясно, следует ли читать фразу «великого Бога и Спасителя Христа» целиком, или как две отдельные, говорящие об Отце и Сыне. Ариане, хватаясь за второе толкование, пытались доказать из него, что Сын меньше Отца, утверждая, что Павел называет здесь Бога великим с целью отличить Его от Сына. Ортодоксальные же учителя

Церкви, дабы преградить дорогу этой клевете, горячо настаивали на том, что обе фразы следует относить к Сыну. Однако ариан можно опровергнуть быстрее и надежнее другим способом: Павел, говоря об откровении славы великого Бога, тут же заявляет о Христе, давая тем самым понять, что именно в Его лице будет происходить откровение этой славы. Он как бы говорит: когда явится Христос, тогда нам и будет явлено величие славы Божией. Отсюда мы узнаем: первое – ничто так не укрепит наше усердие к доброделанию, как надежда на будущее воскресение; и второе – верующие должны всегда взирать на эту надежду с тем, чтобы не обессилеть посредине правого пути. Ибо, если мы не полностью на нее полагаемся, то часто уклоняемся в мирскую суету. Но, поскольку пришествие Господне на суд могло бы показаться нам устрашающим, нам в качестве Спасителя предлагается Христос, Который Сам и будет нашим грядущим Судьей.

14) *Который дал Себя*. Это – еще один повод для воодушевления, основанный на вере в Христову смерть и на ее результате. Христос дал Себя за нас для того, чтобы искупить нас от рабства греху и приобрести нас для Себя в качестве особого стада. Поэтому Его благодать с необходимостью влечет за собой обновление жизни, коль скоро продолжающие служить греху делают благодеяние искупления недействительным. От рабства же греху мы освобождаемся для того, чтобы служить праведности Божией. Поэтому апостол добавляет вторую фразу об *особом народе, ревностном к добрым делам*. Павел имеет в виду, что плод искупления погибает в нас, если мы все еще увлечены мирскими похотями. И чтобы выразить еще яснее мысль о том, что через смерть Христову мы посвящаемся добрым делам, апостол воспользовался здесь словом «очистить». Ведь нам было бы стыдно снова оскверняться той же самой грязью, от которой Сын Божий уже очистил нас Собственной кровью.

15) *Сие говори*. Эта фраза означает то же, как если бы апостол повелел Титу постоянно заниматься назидательным учением и никогда не уставать от него, коль скоро внушение этого учения никогда не бывает излишним. К учению Павел также велит добавлять стрекала увещаний и обличений. Ведь людям недостаточно сказать об их долге, если одновременно настойчиво не призывать к его исполнению. И тот, кто придерживается вышеизложенного, тот, у кого оно всегда на устах, будет иметь повод не только для поучения, но и для обличений.

Со всякою властью. Я не согласен с Эразмом, переведшим слово *ἐπιταγήν* как усердие в повелениях. Более вероятно мнение Златоуста, толкующего это слово как строгость в отношении очень тяжких грехов. Хотя и он, кажется, не ухватил мысли Павла. Ведь апостол хочет, чтобы Тит, передавая людям сказанное, одновременно отстаивал собственный авторитет и уважение к своей личности. Ибо любопытные и жаждущие умственных изысков люди отвращаются от заповедей благочестивой и святой жизни как от чего-то известного и обыденного. И чтобы Тит устранил подобное отвращение, ему велено добавлять к учению также и вес собственного авторитета. Сюда же (на мой взгляд) относится и сразу же следующая фраза «чтобы никто не пренебрегал тебя». Одни думают, будто Тита увещевают здесь путем целомудренной жизни обрести достоинство в глазах людей и вызвать в них готовность себя слушать.

Действительно, верно, что святые и непорочные нравы придают учению немалый авторитет. Но Павел имел в виду нечто иное: ведь здесь он больше поучает народ, чем самого Тита. Коль скоро слух большинства был столь утончен, что простота Евангелия казалась им достойной презрения, коль скоро этими людьми владело такое желание новизны, что не оставалось больше места для назидания, апостол обуздывает гордыню таковых и сурово повелевает им прекратить каким-либо образом презирать здоровое и полезное учение. И подтверждается сказанное мною ранее: это послание адресовано скорее всем жителям Крита, нежели какому-то частному лицу.

1. Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, 2. никого не злословить, быть не сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость ко всем человекам. 3. Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблуждавшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга.

(1. Увещивай их покоряться начальству и властям, повиноваться магистратам, быть готовыми на всякое доброе дело, 2. никого не злословить, быть не драчливыми, но человечными, оказывающими кротость ко всем человекам. 3. Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудившие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были ненавидисты, ненавидели друг друга.)

1) *Напоминай им (увещивай их).* Из множества разных отрывков ясно, что апостолы прилагали много сил к тому, чтобы удержать народ в повиновении магистратам и начальникам. Ибо по природе все мы не желаем начальства, и поэтому никто не повинуется другому по собственной воле. Кроме того, видя, что почти все мирское начальство противится Христу, верующие думали, будто оно недостойно оказания ему какой-либо чести. Особенно постоянно роптали и бунтовали иудеи, будучи сами по себе неукротимым по характеру народом. Поэтому, ранее упомянув о некоторых частных обязанностях, Павел теперь увещивает всех в целом быть спокойными и уважать общественный порядок, повиноваться законам и слушаться гражданских властей. Ибо повиновение, которое он требует к начальству, и упомянутое им послушание магистратам распространяется на их эдикты и законы, и прочие стороны общественного устройства.

То же, что апостол добавляет в следующей фразе, можно отнести к той же самой теме. Он как бы говорит: всякий, не отказывающийся жить честно и правильно, будет добровольно подчиняться властям. Ведь, коль скоро они предназначены к сохранению человеческого рода, желающий их устранить или сбросить их иго – враг всего правильно и справедливого, лишенный всякой человечности. Если же кто-то захочет понять сказанное безотносительно к контексту, не буду возражать. Действительно, в этом отрывке апостол несомненно расхваливает перед критянами благодетельность к ближним, проявляемую в течение всей жизни.

2) *Никого не злословить.* Теперь апостол предписывает способ, с помощью которого надо лелеять со всеми мир и дружбу. Как известно, человек по характеру своему больше всего склонен пренебрегать в сравнении с собой всеми другими. Поэтому многие надмеваются дарами Божиими, презирая при этом братьев. И за презрением скоро следуют оскорбления. Поэтому Павел запрещает христианам, даже более выдающимся, превозносить себя, унижая остальных. При этом апостол не хочет, чтобы они соглашались с пороками нечестивых, но лишь осуждает в них похоть к прекословию. И, повелевая им удаляться от распрей, Павел как бы говорит, что надо избегать ссор и ругани. Поэтому древний переводчик передает эту фразу как «не склонными к ссорам». Ибо можно сражаться не только на кулаках или мечех. И то, что смысл фразы именно таков, явствует из сразу же следующих слов.

Апостол указывает на врачевство от подобного зла, повелевая верующим быть справедливыми и кроткими по отношению ко всем. Справедливость противопоставляется здесь жесткому отстаиванию своих прав, а кротость – неприязненному отношению. Поэтому, если мы желаем избегать всяческих споров и распрей, прежде всего научимся многое смягчать добродушием и многое прощать. Ибо люди, сверх меры строгие и ворчливые, как бы несут в себе воспламеняющий ссоры огонь.

Апостол говорит, что кротость надо проявлять *ко всем*. Этим он хочет сказать, что щадить надобно даже немощных и самых жалких. Верующие, считая нечестивых ничем, думали, будто те недостойны какого-либо милосердия. И апостол желает исправить подобную жесткость, рождающуюся лишь от человеческой гордыни.

3) Ибо и мы были. Наша гордыня обуздывается и наша жесткость смягчается больше всего тогда, когда нам наглядно демонстрируют: все, в чем мы обвиняем других, может быть вменено и нам. Ведь тот, кто вынужден просить прощения сам, будет легко прощать и других. Действительно, мы неумолимы к своим братьям лишь потому, что не знаем о собственных пороках. Имеющие истинную ревность по Богу будут действительно суровы к грешникам. Но, поскольку они начнут с самих себя, суровость их будет всегда соединена с милосердием. Поэтому, чтобы верующие не обрушивались с гордыней и бесчеловечностью на других людей, которые еще удерживаются в неведении и слепоте, Павел напоминает им, какими они сами были раньше. Он как бы говорит: если следует столь сурово обращаться с теми, кого Бог еще не удостоил света веры, на том же основании когда-то можно было терзать и вас. Но вы, конечно, не захотели бы, чтобы кто-то выказывал вам подобную бесчеловечность. Поэтому придерживайтесь соответствующей умеренности по отношению к другим.

В словах Павла следует уразуметь две мысли. Первая: те, кто ныне просвещен Господом, должны смириться от осознания своего прежнего неведения, а не превозноситься в гордыне и не обращаться с непросвещенными суровее или жестче, чем желали, чтобы обращались с ними самими, когда они были на них похожи. Вторая мысль: основываясь на собственном примере, верующие должны понять: чужие и находящиеся сегодня вовне завтра могут быть привиты к Церкви и, оставив собственные пороки, стать причастниками даров Божиих, которых лишены сегодня. Причем, пример того и другого ясно различим в самих верующих, которые некогда представляли собой тьму, а затем начали быть светом в Господе. Поэтому осознание своего прежнего состояния должно склонять их к *οὐκ ἁπάθειαν*. И явленная ныне благодать Божия служит доказательством того, что к спасению можно привести и других людей. Таким образом, мы понимаем: чтобы быть кроткими по отношению к братьям, нам самим следует смириться перед Богом. Ибо гордыня всегда жестока и презрительна ко всем. В другом месте (Гал.6:1), увещевая нас к мягкости, апостол напоминает каждому из нас о присущей нам немощи. Здесь же он идет дальше, поскольку хочет, чтобы мы, помня о пороках, от которых уже избавлены, не слишком сильно негодовали на те пороки, которые еще пребывают в других людях.

Далее, коль скоро Павел коротко обрисовывает здесь характер человека таким, каким он является до обновления Святым Духом, из этого описания можно вывести, сколь несчастны мы вне Иисуса Христа. Прежде всего апостол называет неверующих *несмысленными*, поскольку вся мудрость людей – сплошная суета до тех пор, пока они не познали Бога. Затем он называет их *непокорными*. Ведь, коль скоро Бога истинно слушается только вера, неверие всегда предстает надменным и бунтарским. Хотя слово *ἄπειθεῖς* можно было бы перевести и как «неверующие», дабы оно указывало на некоторую разновидность несмысленности. В-третьих, апостол говорит, что неверующие *заблуждаются*, поскольку только Христос есть путь и свет для мира. Поэтому все чуждые Бога люди с необходимостью блуждают и слоняются всю свою жизнь.

До сих пор апостол говорил о природе неверия, теперь же он приводит и происходящие из него плоды, а именно: различные вожделения и *похоти, зависть, злобу* и тому подобное. Верно, что каждый отдельный человек не страдает от всех этих пороков сразу, но, коль скоро все люди служат своим порочным вожделениям, то, хотя один влечется к одному, а другой – к другому, Павлу все же удастся описать в целом порождаемые неверием плоды, о которых он также говорит в конце первой главы Послания к Римлянам. Впрочем, поскольку апостол по этим признакам отличает детей Божиих от неверующих, если мы хотим считаться верующими, то должны иметь сердце, очищенное от всякой зависти и свободное от всякой злобы, должны любить и, со своей стороны, вызывать любовь у других. И весьма нелепо, если в нас будут господствовать похоти, которые потому (на мой взгляд) зовутся различными, что вожделения, обуевающие плотского человека, подобны противящимся друг другу течениям. Сталкиваясь и борясь между собой, они

бросают в разные стороны самого человека, заставляя его почти ежесекундно меняться и стремиться к чему-то новому. Таково, несомненно, беспокойство всех, позволяющих владеть собою плотским вожделением, коль скоро уверенность и спокойствие заключаются только в страхе Божиим.

4. Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего Бога, 5. Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, 6. Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, 7. чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни.

(4. Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего Бога, 5. Он спас нас не по делам, совершенным в праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, 6. Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, 7. чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни.)

Или главная часть предложения в том, что Бог спас нас по Своей милости, или оно является неполным. Таким образом, подразумевается мысль о том, что люди обновляются или изменяются к лучшему с того момента, как Бог начинает проявлять к ним милость. Апостол как бы говорит: вы лишь тогда начали отличаться от прочих, когда Бог возродил вас Собственным Духом. Но поскольку слова Павла содержат в себе вполне законченный смысл, нет необходимости что-либо к ним добавлять. И чтобы увещание оказалось еще действеннее, апостол ставит себя в один ряд с остальными.

4) *Когда же явилась.* Здесь, прежде всего, можно спросить: разве благодать Божия начала являться миру лишь тогда, когда Христос пришел облеченным во плоть? Ведь отцы, без всякого сомнения, с самого начала ощущали и на собственном опыте познавали благодать, милость и благосклонность к ним Бога. Итак, пришествие Христово не было первым проявлением благодати и отеческой любви Бога. Но ответить на это весьма легко: отцы во времена закона вкушали благодать Божию не иначе, как взирая на Христа, от грядущего пришествия Которого зависела вся их вера. Таким образом, о явлении благодати Божией говорится в том смысле, что Бог показал залог этой благодати и на деле доказал, что не напрасно столько раз обещал людям спасение. Бог так возлюбил мир (говорит Иоанн в 3:16), что отдал Сына Единородного. И сам Павел говорит в другом месте: Бог подтверждает Свою любовь к нам тем, что, когда мы были еще врагами, Он послал Сына Своего, и т.д. (Рим.5:8). И для Писания вполне привычно говорить, что мир примирился с Богом через смерть Христову, хотя, как мы знаем, во все века Бог оставался милостивым Отцом. Но, поскольку причину и повод Божией любви к нам мы находим только во Христе, совершенно обоснованно говорится, что Бог Отец явил нам в Нем Свою благодать.

Хотя содержание этого отрывка несколько иное. В нем Павел говорит не о всеобщем явлении Христа, когда Тот пришел в мир человеком, а о явлении, происходящем через Евангелие, когда Христос особым образом предлагает и являет Себя избранным. Ибо не первое, а именно второе явление Христово обновило Павла. Больше того, Христос уже успел воскреснуть во славе, и спасение во имя Его успело воссиять многим не только в Иудее, но и в соседних областях, когда Павел, слепой в собственном неверии, всеми силами стремился угасить эту благодать. Поэтому апостол имеет в виду, что для него и для других благодать Божия явилась лишь тогда, когда они были просвещены познанием Евангелия. В противном случае довод апостола оказался бы неуместным. Ведь он ведет речь не обо всех людях своего времени, но, собственно говоря, обращается к тем, кто был уже отделен от числа прочих. Павел как бы говорит: когда-то вы были похожи на неверующих, еще до сих пор живущих во тьме, теперь же вы отличаетесь от них, но не в силу собственных заслуг, а по благодати Божией. И на том же самом основании в 1Кор.4:7

апостол обуздывает всякое плотское превозношение. Кто отличает тебя? – говорит Павел, то есть: кто делает тебя лучше других?

Благодать (благодать) и человеколюбие. Апостол вполне справедливо ставит на первое место благодать, склоняющую Бога к тому, чтобы Он нас возлюбил. Ибо Бог не находит в нас ничего достойного любви, но любит нас потому, что благ и милосерд. Впрочем, как бы ни свидетельствовал Он о Своей благодати и любви ко всем, мы познаем ее только верою, когда Бог объявляет Себя во Христе нашим Отцом. Еще до того, как Павел был призван к вере Христовой, он наслаждался бесчисленными дарами Божиими, через которые неким образом вкушал Его отеческую милость. С детства он был наставлен в учении закона. И, тем не менее, Павел продолжал блуждать в потемках, не ощущая благодати Божией, доколе Дух не просветил его разум, и не вмешался Христос, свидетель и поручитель благодати Бога Отца, от которой без Него все мы весьма далеки. Таким образом, апостол хочет сказать, что человеколюбие Божие явилось нам только через свет веры.

5) *Не по делам.* Не будем забывать, что Павел обращается здесь к верующим и описывает способ, которым они уже вошли в Царствие Божие. Апостол отрицает, будто право стать причастниками спасения или примириться с Богом через веру верующие заслужили собственными делами. По его словам, подобного блага они достигли только по Божию милосердию. Поэтому из слов апостола мы выводим: мы ничего не приносим Богу, но предваряемся Его чистейшей благодатью безотносительно к каким-либо делам. Ведь, говоря: не по делам, *которые бы мы сотворили*, – апостол имеет в виду, что сами мы можем лишь грешить, доколе нас не возродит Бог. Ибо стоящее здесь отрицание зависит от предыдущего утверждения, в котором апостол называет еще не обновленных во Христе несмысленными, непокорными и поработанными разным похотям. Действительно, разве может из столь испорченного месива произойти какое-нибудь доброе дело? Поэтому безумствуют те, кто воображает, будто человек приходит к Богу с помощью самоподготовки. Ибо в течение всей своей жизни люди отходят от Бога все дальше и дальше, доколе Он не отвратит их от заблуждения и не поставит на правильный путь Собственной рукою.

И, наконец, то, что именно мы, а не другие, были взяты в удел, чтобы стать причастниками Христа, Павел целиком приписывает Божию милосердию, поскольку сами мы не сотворили никаких дел праведности. А этот довод не имел бы силы, если бы апостол не считал общеизвестным положение о том, что все предпринимаемое нами до обретения веры является несправедливым. Воистину нелепы те, кто, привязываясь к прошедшему времени глагола, прибегают к той уловке, будто Бог, призывая к Себе людей, принимает во внимание их будущие дела. По их словам, Павел, отрицая, что Бог учитывает наши заслуги, избирая к тому, чтобы удостоить Своей благодати, ограничивает сказанное прошедшим временем. Поэтому, если нет места только для нашей прошлой праведности, Он принимает во внимание праведность будущую. Но в качестве исходного принципа такие люди принимают то, что Павел всюду отрицает, делая основанием добрых дел благодатное избрание. Если же пригодность к доброй жизни мы получаем только по благодати Божией, то какие будущие заслуги может учитывать Бог? Если до призвания Божия несправедливость царствует в нас до такой степени, что не собирается останавливаться до тех пор, пока не достигнет своей вершины, какое лицемерие нашей будущей праведности может привлечь Бога к тому, чтобы нас призвать? Итак, пусть они прекратят болтать подобный вздор. Павел говорит о наших прошлых делах именно для того, чтобы исключить всякую и любую заслугу. Его слова значат то же, как если бы он сказал: если мы претендуем на какие-либо заслуги, то что же заслуживают собой наши дела? Ибо незыблемой является аксиома о том, что люди не станут лучше прежнего, если Сам Бог не исправит их Собственным призванием.

Спас нас. Апостол говорит о вере и учит, что мы уже достигли спасения. Поэтому, хотя, запутавшись в грехах, мы все еще носим тело смерти, мы все же уверены в собственном спасении, если только верою привиты к Иисусу Христу, согласно сказанному (Ин.5:24): верующий в Сына Божия перешел от смерти в жизнь. Однако немного ниже, упомянув о вере, апостол говорит: на деле мы еще не получили того, что Христос дарует нам через Собственную смерть. Отсюда следует, что со стороны Бога наше спасение уже состоялось, но обладание им откладывается до конца нашего подвизания. Именно этому и учит в другом месте тот же Павел, говоря о том, что мы спасены в надежде (Рим.8:24).

Баню возрождения. Не сомневаюсь, что здесь апостол, по крайней мере, намекает на крещение. Больше того, я легко соглашусь с тем, чтобы это место относили к крещению, но не потому, что спасение заключается во внешнем символе, то есть, в воде, а потому, что крещение запечатлевает спасение, обретенное для нас Христом. Павел говорит о явлении благодати Божией, в которой, как было сказано, мы удостоверяемся с помощью веры. Поэтому, коль скоро часть откровения сообщается нам через крещение, апостол вполне заслуженно упоминает о нем постольку, поскольку оно предназначено к удостоверению нашей веры. Кроме того, коль скоро крещение как бы представляет собой наше вхождение в Церковь и символ нашего привития ко Христу, Павел вполне своевременно заводит о нем речь, желая показать, каким именно образом явилась нам благодать Божия. Таким образом, контекст здесь следующий: Бог спас нас по Своему милосердию, а символ и залог этого спасения дал нам в крещении, присоединив нас к Своей Церкви и привив к телу Своего Сына.

Для апостолов вполне привычно в качестве довода приводить таинства, чтобы обосновать означаемую таинствами вещь. Ведь благочестивые должны руководствоваться принципом: Бог не насмехается над нами, демонстрируя пустые знаки, а Собственную силою изнутри дарует то, что извне показывает нам с помощью символа. Поэтому крещение подобающе и истинно зовется банею возрождения. Так что в силу и пользу таинств правильно верует тот, кто так соединяет знак и означаемую им вещь, что, с одной стороны, не делает пустым и бездейственным знак, а с другой, ради прославления знака, не лишает Святого Духа, Ему принадлежащего. И хотя нечестивые не омываются и не обновляются крещением, таинство, тем не менее, сохраняет свою силу в глазах Божиих. Ведь, как бы нечестивые ни отвергали благодать Божию, она все-таки предлагается им в таинстве.

Далее, в этом месте Павел обращается к верующим, и коль скоро в них крещение всегда действительно, оно заслуженно соединяется с означаемыми им истиной и результатом. Изречение апостола также учит нас, что, если мы не хотим сделать святое крещение пустым, его силу следует подтверждать обновлением жизни.

Обновления Святым Духом. Хотя апостол ранее упомянул о знаке с целью сделать очевидной для нас благодать Божию, все же, дабы мы не прилеплялись к самому знаку, он тут же отсылает нас к Духу. Тем самым он дает понять, что нас очищает не вода, а сила Духа, согласно сказанному Иезекиилем: излию на вас воды чистые, то есть Мой Дух (Иез.36:25). Действительно, слова Павла настолько соответствуют словам пророка, что становится ясным: оба они говорят об одном и том же. Поэтому в самом начале я говорил, что Павел, ведя главным образом речь о Святом Духе, одновременно намекал и на таинство крещения. Значит, именно Дух Божий возрождает нас и делает новыми тварями, но, коль скоро благодать Его невидима и сокрыта, в крещении мы наблюдаем ее видимый символ. Другие толкователи читают слово «возрождение» в винительном падеже, что меня также вполне устраивает. Однако (на мой взгляд) более уместно приведенное мною чтение.

б) *Которого излил на нас.* Употребленное здесь относительное местоимение с точки зрения греческого языка может относиться как к бане, так и ко Святому Духу. Ведь и то, и

другое – существительное среднего рода. И хотя смысл в обоих случаях примерно одинаков, метафора станет изящней, если местоимение отнести к слову «баня». И этому утверждению не противоречит то, что крещение принимают все без исключения. Ибо апостол, уча тому, что баня была излита, говорит не столько о знаке, сколько о самой означаемой им вещи, в которой заключается истина этого знака. Говоря же «обильно», Павел имеет в виду, что, чем большими дарами выделяется каждый из нас, тем больше он обязан милосердию Божию. Ведь только оно обогащает нас, поскольку сами по себе мы лишены всех благ и полностью нищи.

Если же кто возразит, что не все дети Божии получают подобное богатство, и, скорее наоборот, многим благодать Божия дается весьма скудно, ответ таков: никому не дается настолько малая мера благодати, чтобы он воистину не считался богатым. Ведь даже самая малая капля Духа есть вечный, никогда не иссыхающий источник. Поэтому для богатства достаточно и того, что, сколько бы нам ни давалось, подаяние никогда не окажется ущербным.

Через Иисуса Христа. Ибо только в Нем мы обретаем усыновление. Поэтому Христос – Тот, через Кого мы становимся участниками Духа, залога и свидетеля нашего усыновления. Итак, Павел учит, что Духом Святым одариваются лишь те, кто является членами Христова тела.

7) *Чтобы, оправдавшись.* Если понять слово «возрождение» в собственном и обычном смысле, может показаться, что апостол использует термин «оправданные» вместо термина «возрожденные». Возрожденные, действительно, иногда означают оправданных, но в очень редких случаях. Здесь же нет никакой необходимости отходить от прямого и подлинного значения этого слова. Намерение Павла состояло в том, чтобы приписать благодати Божией все, чем мы являемся и что имеем, дабы не дать нам повода превозноситься над другими. Итак, апостол расхваливает здесь милосердие Божие, недвусмысленно делая его причиной нашего спасения. Но, поскольку ранее апостол говорил о пороках неверующих, он не мог не сказать о благодати возрождения, которое является исцеляющим их врачевством. И это не мешает Павлу тут же вернуться к похвале милосердия. Больше того, апостол соединяет друг с другом два положения: нам незаслуженно отпущены грехи, и мы обновляемся для послушания Богу.

Отсюда видно, что по утверждению Павла оправдание – незаслуженный дар Божий. Не ясно лишь, что именно означает здесь слово «оправдание». Контекст, кажется, требует от нас понять данное слово в более широком смысле, а не только как вменение праведности. Но подобный его смысл (как я сказал) встречается у Павла чрезвычайно редко. Однако ничто не мешает ограничить этот термин только отпущением грехов. Фраза же «Его благодати» приложима как ко Христу, так и к Богу Отцу. И не стоит сражаться по поводу того, какое именно толкование избрать, коль скоро всегда будет незыблемой истина: мы обретаем праведность по благодати Божией через Христа.

По упованию соделались наследниками. Эта фраза добавлена с целью пояснения. Ранее апостол сказал, что мы спасаемся по милосердию Божию. Но наше спасение до сих пор сокрыто. Поэтому теперь он говорит, что мы наследники жизни не потому, что в настоящее время ею обладаем, а потому, что упование внушает нам полную и непоколебимую уверенность в этой жизни. Итог таков: будучи мертвыми, мы возвращаемся к жизни по благодетельству Христову, Когда Бог Отец одаривает нас Своим Духом, силою Которого мы очищаемся и обновляемся; в Нем и заключается наше спасение. Но, поскольку мы еще живем в этом мире, мы не наслаждаемся вечной жизнью и обладаем ей в одном лишь уповании.

8. *Слово сие верно; и я желаю, чтобы ты подтверждал о сем, дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам: это хорошо и полезно человекам.* 9.

Глупых же состязаний и родословий, и споров и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны.

(8. Слово сие верно; и я желаю, чтобы ты подтверждал о сем, дабы уверовавшие в Бога старались первенствовать в добрых делах: это прекрасно и полезно человекам. 9. Глупых же состязаний и родословий, и споров и распрей законнических удаляйся, ибо они бесполезны и излишни.)

8) *Слово сие верно.* Апостол прибегает к подобному способу выражения, когда хочет что-либо определенно утвердить, как мы уже видели в обоих посланиях к Тимофею. Поэтому Павел тут же добавляет «желаю, чтобы ты подтверждал». Глагол же *διαβεβαιοῦσθαι*, будучи в пассивном залоге, имеет здесь активное значение. Он означает говорить о чем-то постоянно и настойчиво. Поэтому Павел повелевает Титу, оставив все прочее, преподавать лишь надежное и несомненное, настаивать на нем и постоянно его внушать, в то время как другие баснословят о суетном. Отсюда мы также выводим, что епископ не должен необдуманно утверждать все, что угодно, но только то, истинность чего у него не вызывает сомнений. Сие подтверждай, – говорит апостол, – потому что это истинно и достойно веры. С другой стороны, мы снова узнаем из этого отрывка, что обязанность епископа – настойчиво и мужественно утверждать и защищать то, что несомненно относится к вере и назидает в благочестии.

К добрым делам (в добрых делах). Здесь апостол подводит итог тому, что ранее он говорил об усердии и святом, благочестивом образе жизни. Он как бы противопоставляет страх Божий и благоустроенные нравы праздным и пустым умствованиям. Народ по желанию Павла надо наставлять так, чтобы уверовавшие в Бога прежде всего заботились о совершении добрых дел. Впрочем, глагол *προίστασθαι* понимается греками по-разному, и это место допускает разные толкования. Златоуст толкует его так, что верующие должны усердно помогать ближним милостыней. Действительно, *προίστασθαι* иногда означает «помогать», но согласно конструкции предложения помощь в этом случае будет оказываться добрым делам, что звучало бы весьма натянуто. Глагол «продвигать вперед» – то, что по-французски мы обозначаем словом *avancer*, – подходил бы к контексту лучше. Но что, если мы скажем: верующие должны усердствовать подобно тем, кто начальствует? Ведь «начальствовать» – одно из значений вышеуказанного глагола. Разве что кто-то предпочтет толкование, помещенное мною на полях: пусть они стараются отдавать преимущество добрым делам.

Действительно, Павел вполне уместно велит, чтобы добрые дела царили в жизни верующих, поскольку в противном случае этими делами обычно пренебрегают. Но каким бы неясным по форме ни было это предложение, мысль Павла вполне ясна: цель христианского учения в том, чтобы верующие упражняли себя в добрых делах. Таким образом, Павел хочет, что верующие проявляли в этом вопросе усердие и заботу. И, кажется, что апостол, говоря *φροντίζωσι*, изящно намекает на пустые умствования тех, кто философствует без плода и какого-либо отношения к жизни. Впрочем, апостол не настолько озабочен добрыми делами, чтобы, взирая на плод, презреть при этом корень, то есть веру. Павел думает и о том, и о другом. Как и подобает, он отводит первое место вере. Ибо усердствовать в добрых делах он велит уверовавшим в Бога, указывая этим, что вера должна идти впереди, но так, чтобы за нею следовали добрые дела.

Это хорошо (прекрасно). Сказанное я скорее отношу к учению, нежели к самим делам. Прекрасно и полезно так наставлять людей. Поэтому хорошее и полезное людям является здесь тем же самым, что прежде Павел велел Тимофею подтверждать собственным примером. *Τὰ καλὰ* можно перевести и как «хорошее», и как «красивое» или «честное», хотя лучше (на мой взгляд) перевести это слово как «прекрасное». Апостол намекает на то, что все иное, преподаваемое нам, ничего не стоит, коль скоро оно бесполезно и бесплодно, и, наоборот, что приводящее к спасению всегда достойно похвалы.

9) *Глупых же.* Толкование этого отрывка не нуждается в долгом обсуждении. Апостол противопоставляет вопрошания здравому и надежному учению. Ибо, хотя спрашивать необходимо для того, чтобы что-то установить, у вопросов должна быть своя мера, дабы ты держался того, что полезно знать, и, кроме того, пребывал непоколебимым в уже познанной истине. Того же, кто исследует все из любопытства, а потом не приходит ни к чему конкретному, справедливо называют вопрошателем. Кроме того, Павел осуждает здесь то, что сорбоннские школы считают достойным особой похвалы. Ибо все папистское богословие есть не что иное, как сплошной лабиринт вопросов. И апостол называет вопросы глупыми не потому, что они кажутся такими на первый взгляд (напротив, они часто обманывают людей пустой мишурой мудрости), а потому, что они никак не способствуют благочестию.

Добавляя же слово «генеалогии», апостол в качестве примера приводит одну из разновидностей пустых исследований, когда любопытные люди, пренебрегая обретением плода от священной истории, хватаются за родословия и другую подобную чепуху, в исследованиях которой бесплодно себя утомляют. О подобной суете мы уже говорили в начале толкования на Первое Послание к Тимофею.

Сюда же апостол вполне обоснованно относит и *споры*, коль скоро, если исследованиями руководит тщеславие, они неизбежно выльются в споры и распри. Ибо в этом случае каждый хочет оказаться победителем. Сюда же добавляется дерзость утверждать что-либо определенное о неясных предметах, с необходимостью порождающая ссоры. Законническими же апостол неприязненно называет те распри, которые возбуждались иудеями под предлогом закона. Не потому, что сам закон порождал их из себя, а потому что иудеи, притворяясь защитниками закона, нарушали мир Церкви своими неуместными спорами о соблюдении обрядов, о различении видов пищи и тому подобном.

Ибо они бесполезны. Значит, в учении всегда надо стремиться к пользе, и в нем нет места тому, что никак не способствует благочестию. Нет сомнения, что болтавшие о никчемных предметах софисты заявляли, будто они весьма достойны и полезны для знания, но Павел не признает иной пользы, кроме назидания в вере и святой жизни.

10. Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, 11. зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден. 12. Когда пришло к тебе Артему или Тихика, поспеши прийти ко мне в Никополь, ибо я положил там провести зиму. 13. Зину законника и Аполлоса позаботься отправить так, чтобы у них ни в чем не было недостатка. 14. Пусть и наши учатся упражняться в добрых делах, в удовлетворении необходимым нуждам, дабы не были бесплодны. 15. Приветствуют тебя все находящиеся со мною. Приветствуй любящих нас в вере. Благодать со всеми вами. Аминь.

10. Еретика, после первого и второго вразумления, избегай, 11. зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден. 12. Когда пришло к тебе Артему или Тихика, поспеши прийти ко мне в Никополь, ибо я положил там провести зиму. 13. Зину законника и Аполлоса позаботься отправить с заботою, чтобы у них ни в чем не было недостатка. 14. Пусть и наши учатся первенствовать в добром для удовлетворения необходимым нуждам, дабы не были бесплодны. 15. Приветствуют тебя все находящиеся со мною. Приветствуй любящих нас в вере. Благодать со всеми вами. Аминь.)

10) *Еретика.* Апостол добавляет эту фразу вполне обоснованно, ибо ссорам и распрям не будет конца, если кто-либо попытается победить в споре упорных. Ведь они всегда найдут, что ответить, и собственная порочность воодушевляет их так, что они никогда не устанут от состязаний. Поэтому, ранее предписав Титу, какую форму должно иметь преподаваемое им учение, апостол теперь запрещает ему тратить много времени на распри с еретиками, поскольку распря всегда порождает распрю, а спор порождает спор. Ведь хитрость сатаны состоит именно в том, чтобы добрые и верные пастыри отвлекались

порочным многословием подобных людей и переставали усердствовать в учении. Посему нам следует остерегаться вовлечения в порождающие вражду споры. Ведь в этом случае у нас уже не будет времени трудиться для Господнего стада, и сварливые люди всегда будут нам докучать.

Итак, то, чего апостол заповедует избегать, сводится к следующему. Он как бы отрицает, что надо сильно утруждать себя спорами с этими людьми. Более того, самое лучшее – отнять у них повод для распрей, за который они хватаются. Это – весьма необходимое увещание. Ибо даже тех, кто в иных случаях охотно воздерживается от словесных баталий, стыд порою толкает на поле брани, коль скоро уступка кажется им свидетельством позорного малодушия. Кроме того, любых, даже очень спокойных по характеру, людей раздражают яростные наскоки врагов, ибо безнаказанные нападки на истину кажутся им недопустимыми. К тому же, всегда находятся либо пристрастные, либо слишком горячие люди, подталкивающие других к распрям. Но Павел не хочет, чтобы раб Христов занимался долгими препирательствами с еретиками.

Теперь нам следует понять, кого именно означает здесь слово «еретик». Широко известно различие, проводимое между еретиками и схизматиками, но Павел (если не ошибаюсь) его здесь не придерживается. Ибо апостол имеет в виду не только тех, кто возвращает и холит определенное заблуждение или какой-то превратный догмат, но в целом всех, кто не довольствуется недавно предложенным здравым учением. Таким образом, Павел охватывает этим именем всех тщеславных, упорных и сварливых, которые, подталкиваемые собственной похотью, нарушают церковный мир и сеют раздоры. В итоге, апостол называет еретиком всякого, разрывающего единство Церкви своим бунтарством.

Но в этом вопросе следует проявлять осмотрительность, дабы мы не клеймили еретиком каждого не согласного с нашим собственным мнением. Ибо есть кое-какие вопросы, из-за которых христиане, даже не соглашаясь по ним между собой, все же не разделяются на отдельные секты. Да и сам Павел в другом месте велит придерживаться подобной практики, заповедуя ожидать откровения Божия при сохранении общего согласия, Фил.3:15. Однако всякий раз, как чья-то наглость доходит до того, что он из-за собственных интересов либо отделяется от тела Церкви, либо уводит кого-нибудь из стада, либо мешает проповеди здравого учения, такому человеку надо жестко воспротивиться. В итоге, ересь или секта с одной стороны, и единство Церкви, с другой, – совершенно противоположные вещи. И коль скоро второе многоценно для Бога и должно наивысшим образом цениться нами, первое подобает всячески отвергать. Поэтому, хотя слово «секта» или «ересь» весьма почтенно среди философов и политиков, среди христиан оно вполне заслуженно считается позорным.

Теперь мы видим, что именно имел в виду Павел, повелев избегать или отвращаться еретиков. Но следует отметить и то, что говорится сразу же после, а именно: *после первого и второго вразумления*. Ведь иначе нельзя будет выяснить, кто именно является еретиком. И отвергать подобает лишь того, кого мы прежде пытались вразумить. Под вразумлением же апостол понимает не какое угодно вразумление и не вразумление, получаемое от частного лица, а такое, которое исходит от служителя, пользующегося общественным и церковным авторитетом. Слова апостола означают то же, как если бы он сказал: еретиков следует сурово обуздывать и как бы по-судейски исправлять.

Те же, кто выводит из этого отрывка, что авторов превратных учений надо сдерживать только отлучением, не налагая никаких дальнейших наказаний, рассуждают не вполне правильно. Ибо своя роль у епископов, и своя – у гражданских властей. И когда Павел пишет Титу, он говорит о том, что следует делать не магистратам, а епископам. Хотя сдержанность в этих случаях всегда будет уместной, дабы еретики не столько

обуздывались силой и оружием, сколько исправлялись церковной дисциплиной, если они вообще подлежат излечению.

11) *Зная, что таковой развратился*. Развращенным апостол называет того, в отношении которого не остается надежды на исправление, поскольку, если кто-то может вразумиться нашими усилиями, его никак не следует отвращать. Метафора заимствована здесь от постройки, разрушенной не только в какой-то одной своей части, но до самого основания, так что она уже не подлежит восстановлению. И апостол говорит о признаке подобного развращения – злой совести, свидетельствуя, что не уступающие увещаниям люди самоосуждены. Ведь, упорно отвергая истину, они несомненно добровольно и осознанно грешат. Поэтому всякие увещания их безуспешны. Одновременно из слов Павла можно вывести, что не следует необдуманно и поспешно зачислять в еретики всякого человека. Ибо апостол говорит: зная, что он развратился. Итак, пусть епископ остерегается потакать своей придирчивости и обращаться с теми, кого он еще недостаточно изучил, так же жестко, как и с еретиками.

13) *Зину законника*. Не ясно, имеет ли в виду апостол опытность в гражданском праве или в законе Моисея. Но, коль скоро из слов Павла можно вывести, что этот человек был бедным и нуждался в помощи других, вероятно, что он принадлежал к той же категории людей, что и Аполлос, то есть, толковал божественный закон для иудеев. Ибо подобные люди нищенствуют чаще, чем те, которые дают советы по судебным тяжбам.

Я сказал, что из слов Павла можно вывести нищету Зины потому, что слово «отправить» означает здесь снабдить всем необходимым для путешествия, как ясно из самого контекста. И чтобы критяне, на которых апостол возложил подобную заботу, не жаловались, будто их отягощают излишними расходами, Павел говорит им, что они не должны оставаться бесплодными. И поэтому им всегда следует внушать усердие в добрых делах. Однако об этом выражении уже было сказано выше. Поэтому неважно, велит ли им апостол отличаться добрыми делами по сравнению с другими, или отводить этим делам первое место, все равно он исходит из того, что давать критянам повод для проявления щедрости весьма полезно, дабы они не оставались бесплодными под тем предлогом, что исчезла необходимость, или не представился подходящий случай. То же, что следует за этим, уже было истолковано в комментариях на другие послания.